

Август Северн

Светлый Том

18+

Август Северн
Светлый Том

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Северн А.

Светлый Том / А. Северн — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0363-4

Древние вернулись в мир людей. Странник ведёт свою игру, соблюдая интересы покровителя, вмешиваясь в судьбы людей. Как гончар из глины, Наставник лепит из брата и сестры инструменты для воздействия на мир людей.

ISBN 978-5-5321-0363-4

© Северн А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Первая часть	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Первая часть

Глава 1

Ночь, поле, костер, лето. Раньше у костра собирались путники, купцы, труженики. Вдоль всех дорог организовывались ночевки, стоянки. В более оживленных местах ставились таверны, гостевые дома. Сейчас, в век урбанизации, костры появляются только летом и рядом с жилищами людей. Люди отдыхают возле огня, от города, суеты, от себя.

В любые времена сторонний гость у сидящей вокруг костра компании, вызывал настоящие чувства. Но современный человек более агрессивен, более не расположен делиться теплом костра и своим. Это и плохо и хорошо. Плохо для любого ищущего пристанища в темноте ночи. Хорошо для меня, собирающего негатив, высвобождающего свет.

Сегодня я здесь и пришел мой час. Теплый июль, ночная прохлада, дружественный треск костра. Свет и тепло играют на лицах 4 парней и 3 девушек, старающихся быть вместе хоть какое-то время. Меня они еще не видят, оживленно беседуют, готовя на костре себе ужин.

Я жду в стороне, когда в их разговоре появится неловкая пауза, подходящая для моего появления. Мне нужен только один из них – ниточка, за которую нужно потянуть, чтобы запустить процесс. Эту ниточку принято называть избранным, чем люди, очень гордятся. Хотя чем гордиться? Одноразовый предмет, этот избранник богов, выполнил свою цель и свободен. Нет ему ни знаний потаенных, ни умений особых. Один, такой безграничной энергии, далеко не вывезет. Даже, песчинка может стать звездой на короткое время, если ее перенасытить энергией.

Вот он сидит с гитарой, отмеченный серебряной нитью. Энергии океан, желания исполняются на раз. И окружающим его людям с ним легко и весело живется. Вот, как его подруга к нему льнет. Количество переходит в качество, открывая для себя какие-то знания. В оккультизм ползет и подругу туда тянет. Но через месяц, два, выполнит он свою задачу и будет в разряде простых смертных – гореть одинокой свечой.

Так, у меня еще минут 5 земного времени есть. Посмотрим, кто тут чего стоит.

Семь человек у костра. Двое парней: крещеные, создадут семьи; ровно так горят; «мутные», но не в темную сторону. Один, тот, что их сюда привез, темнеет от одиночества, по жизни тоже в оккультизме купается, сеет зерна знаний. Выходит он друг избранного, которого он предаст, чтобы продвинуться по службе.

Крещеные: Михаил и Никита. Парни, друзья избранника, один со школы, второй с института. Не предадут. Подготовлю им подарочек. Огонек жизни более-менее ровный. Их подруги: Любава (будет двое детей), у Ксении трое, но с первыми проблемы возникнут, по здоровью. Огоньки у всех крепкие, род держит их ровно, мужьям изменять не будут.

Окинув последним взглядом окружающую меня игру жизни, маленькие искорки (сверчки, мотыльки, полевые мышки), я перевел взгляд на яркие свечи – людей, сидящих у костра. Смотря на них вскользь, чтобы не читать их прошлое и будущее, осталось только ждать, когда время сфокусирует мое внимание на избранном. Тогда и наступит время действовать.

Шесть свечей возле двух костров. Один костер физический, настоящее пламя, второй – избранный, его энергия на пике, скоро пойдет на спад и останутся только угли, самое время для исполнения начертанного. Костер энергии избранного сосредоточен на этом плане Мира, свет энергетической свечи, наполняющего его выглядит по сравнению с основным пламенем, как тоненькая ниточка света, возможно связывающая его с далекой звездой.

Энергетическая свеча – каналы людей, похожи на свечи изготовленные руками людей, только «живут» они наоборот – в начале Жизни человека есть только пламя, в котором видно

настоящее и будущее человека. Чем больше живет человек, тем больше он накапливает опыта, тем больше остается огарок (прошлое) под пламенем свечи. В конце пути от человека остается огарок, за который цепляется дух, а огонь – душа, отделяется от физического пламя жизни и уходит по энергетическому каналу к источнику, или странствует до следующего перевоплощения.

Сконцентрируй я свое внимание на костре избранника, то в пламени его костра можно увидеть свет всех свечей вовлеченных в его судьбу. Разожгите костер и поставьте рядом любое количество горящих свечей, издалека будет виден только огонь горящего костра. Подойдя ближе, можно увидеть пламя свечей перед костром, но пламя костра все равно будет скрывать пламя свечей от вашего взгляда. Чем больше избранник вовлечёт людей в свое окружение (пока его пламя сильно), тем дольше будут тлеть его угли, после выполнения предписанной ему задачи. В зимнее, холодное время угли остывают быстро, в жаркую летнюю ночь, можно найти тлеющие угольки в кострище, даже утром, при свете солнца.

По пеплу от кострища, знающий может сказать какие дрова, материалы использовались для его горения. С какой интенсивностью горело пламя, можно судить, по земле вокруг костра. Избранник не имеет прошлого, в отличие от простого человека. Его прошлым становится настоящее.

У обычного человека в огарке – прошлом, остаются следы его деяний, как кольца у деревьев или пласты земли в оврагах и в обрывах. Каждое деяние несет след в плотности, интенсивности и цвете. Плохой или хороший поступок определяет сам человек до момента совершения одного. Бывает в жизни человека, что в юности его взгляды позволяют ему многое совершить и окрасить свои деяния в значимости их совершения для себя и окружающих в яркие, броские тона, но набравшись жизненного опыта человек, переосмысливает свои поступки.

Время пришло, резко выделился энергоканал избранника. Пора появиться и мне. Самый замечательный момент, проявление себя в материальном мире. Я на границе света и тени. Нужно достойно представить себя. Лет 200 назад все было просто, явился седовласым старцем с белой, длинной бородой, тут тебе и почет и уважение. Теперь странник в ночи должен представлять собой силу – крепкого мужика в возрасте 40-50 лет, способного постоять за себя, охотник, или местная власть (лесничий, полицейский, егерь).

– Доброго вечера, честной компании. – Я выхожу на свет костра. Смотрю на себя их глазами, постепенно перестраиваюсь к общему знаменателю, закрепляя свое новое тело к их восприятию меня, как источник силы и мудрости.

– Ой, Вы так тихо подошли, – Люба (27 лет, крещеная) краснея, придвигается к своему суженному Михаилу. – Мы не ждали специально гостей, но Игнат...

– Все хорошо, Люба, – Игнат (32 года, избранник) ищет моего взгляда, – ребята дайте человеку место у костра.

Игнат меня ждал, у него есть информация, что уже время. Собираю негатив от остальных, сидящих у костра ко мне спиной. Я специально зашел с этого места. Негатив к незнакомым и неудобство положения (они вынуждены поворачиваться ко мне всем телом, менять свое положение возле костра, уступая мне место) – это аперитив для меня.

Во время их движения в пляшущем свете костра, я окончательно формирую свое тело, вывожу нужную мне энергетику на себя. Вешаю на ребят подарочки. К тому моменту, как компания у костра занимает новые места, все успокаивается, стабилизируется. У всех в честной компании чистые, ясные огоньки и отблески пламени костра в глазах. Через эти отблески я касаюсь их разума, присаживаясь на освободившееся бревнышко.

Все, преображение завершено. Теперь я для всех похож на их доброго дядюшку из далека-далёка.

– Вечер коротаете? – я опускаю руки к пламени костра, зачерпываю его ладонями, растираю тепло огня, совершая омовение лица, – может, предложите водицы, усталому путнику?

Олеся (28 лет, подруга Игната, мистик без школы), принимает на себя роль хозяйки, достает из темноты 5-ти литровую пластиковую бутылку, наливает в белый пластиковый стаканчик воды, протягивает мне.

– Благодарю, красавица, – Я взял стакан, выпил воду, остатки вылил себе под ноги. Поднял на них глаза, обвел взглядом всех, протянул стаканчик Олеся; – налей красавица на всех и пригубите все по очереди. Налитый стаканчик сделал круг от меня и вернулся ко мне. Посмотрев на остатки воды в стаканчике, я прошептал заветные слова и поставил стаканчик с остатками воды в середину костра. Стакан вспыхнул синим пламенем, вода в нем горела как спирт. Все смотрели в полной тишине нарушаемой треском костра и стрекотом сверчков.

– Это мой дар вам всем. Сегодняшней ночью будут вам вещие сны. Задайте интересующий вас вопрос, лягте на левый бок, руки сложите ладонями вместе и положите под голову. Ответ придет во сне, чем четче вопрос – тем четче и яснее ответ. В дальнейшем, если вам нужен очень ответ на вопрос, то перед сном зажгите свечу, налейте в белую тарелку воды. Поставьте ее, чтобы вам была видна свеча и пламя, вспомните сегодняшнюю ночь, представьте мое лицо и задайте свой вопрос. Дальше как я говорил.

Взгляды всех девушек затуманились. Они уже задавали вопрос. Парни еще не верили, все кроме Игната.

– Я прервал ваш бурный спор, – ветка, приготовленная для костра, оказалась прекрасной подпоркой для рук, на которые я опустил подбородок, – Могу я принять посильное участие?

– Ой, а вы есть не хотите? – Ксения (25 лет, славянка, крещеная, будущая жена Никиты и мать троих сыновей) подняла пластиковую салатницу, открыла крышку, там были крупно порезанные помидоры и огурцы в сметане, – вам мясное можно?

– Собственно, об этом и был спор. – Никита (27 лет, крещеный, по призванию воин, по судьбе мастер на все руки) уже накладывал в пластиковую тарелку куски колбасы, хлеба и куриную грудку. Он подставил, тарелку Ксении, чтобы положила пару ложек салата.

– Нет спасибо, мое нынешнее тело не способно принимать грубую пищу, но можете поставить на камень, который вы превратили в алтарь, и я вкушу ваше подношение, – спрятав улыбку в усах, я ждал, кто осмелится сделать подношение.

Полную тарелку передали Михаилу (31 год, христианин, ищущий человек), камень находился за его спиной. Михаил принял тарелку, наморщил лоб, повернулся к камню. – Прими от нас, от всех – сказал Игнат. Михаил нехотя повторил: – Прими от нас от всех, – повернулся, посмотрел на меня и спросил: – Вы за вегетарианство? Или против?

– Да, наши мальчики не хотят отказываться от мяса в пользу здоровой пищи, – Олеся, смотрела с укоризной на Игната, через сидящего между ними Тимура– Теймураза (30 лет, язычник, тюркские корни). – Они хотят мало жить и долго умирать.

– А каких конкретно животных вы не едите? – спросил я, глядя на недоумение на лицах девушек, продолжил: – В древние времена, люди выбирали символом рода животное, у которого хотели перенять его силу, навыки, умение. Волк, медведь, орел, тур-бык. Животное, которое почиталось, нельзя было есть.

– Олеся зайчика стало жалко, – Никита смотрел на огонь костра. Пряча улыбку, стараясь не воспламениться от взгляда Олеся, – наверное, она хочет иметь такие же большие уши, или маленький хвост.

Все засмеялись. Олеся, покрасневшись, принялась отстаивать свою точку зрения: – Зайчик маленький, а собаки такие большие... он так кричал. Меня папа взял на охоту, они затравили зайца на опушке, где мы стояли с папой, – она закрыла лицо руками, смех и веселье перешло в неловкое молчание.

– Зайчик, не такой уж слабый, – я мысленно дотронулся до воспоминаний Олеся, забрал ее боль. – Своим криком он может оглушить противника, ввести в ступор, а сильными задними лапами, он может вспороть брюхо даже матерого волка, – погладив на ментальном плане голову

Олеси, я поцеловал ее в макушку, – заяц и хищник – достойные противники. Обычно охотник и жертва в мире животных, прекрасно знают повадки друг друга, и охотник не может одолеть взрослого здорового противника, без существенных затрат сил. Заяц видит против кого ему нужно проявлять свои навыки и имеет все шансы не стать пищей.

Если же говорить о несправедливости, из-за которой столь бурное проявление твоих эмоций, Олеся, то ярким примером является маленькие рачки, называемые планктоном и синий кит. Какой контраст в размерах. Маленький рачок не имеет представления и шансов избежать участи пищи. Для него игра в жизнь заканчивается моментально, без видимых для него причин.

Я послал честной компании картинку перехода света жизни рачка в темноту небытия в желудке кита, и снова в свет жизни кита, но немного перестарался. Разность в качестве света жизни между рачком и резким переходом к свету жизни самого кита, ослепила всю компанию. На несколько мгновений, они ослепли, весь окружающий их мир состоял из света жизни, на котором темным пятном плясали языки костра.

– Я ответил на два ваших вопроса, – легкое смятение и восторг от воспринятого витал над честной компанией, – теперь я могу ответить на еще один вопрос, который вы приготовили перед встречей со мной.

– Позвольте, – Михаил быстро поднял глаза на Игната, сохранявшего молчание, – мы готовили три вопроса, – Я движением бровей предложил Михаилу продолжить.

– Первый вопрос был смерть. Второй жизнь, а третий ...

– Хорошо, я поясню, то, что вы не поняли. Задавайте вопросы, чтобы развеять ваши сомнения, я отвечу. Потом озвучьте ваш третий вопрос.

– Жизнь, вы нам ярко показали. – Тимур смотрел на меня, полный решимости в своих убеждениях (в руках теребил четки), – а со смертью, не понятно. Кастанеда говорит, что смерть слепа и не имеет ... физической субстанции.

– И в других учениях, связь между жизнью и смертью, даже, если смерть принимать, только как переход, между жизнями, нет точных толкований, – Олеся, говорила с запалом, переводя взгляд то на Тимура, то на Игната.

– Смерть это переход – момент перехода: для чистой сущности, живущей без сомнений, такой как рачок планктона, переход фактически мгновенный; для сомневающихся, набравшихся чужих взглядом, потерявшихся в космосе, возможно, этот момент превращается в вечность.

Человек, как сущность, теряет связь с этим миром, с физическим телом. И в момент перехода, перед ним стоит задача, куда идти дальше. Если он как индуист готов к реинкарнации, то ему нужно доказать, прежде всего, самому себе, что он достоин начать новую жизнь в выбранном им теле. Если он буддист, то ему нужно дойти до места, где он, минуя демиургов и демонов, сможет начать жить дальше. Если он мусульманин, христианин, то ему нужно доказать свое назначение в Рай, иначе он обрекает себя на мучения в темноте небытия.

– Позвольте, – Никита ворошил веткой угли костра, – нам всё-таки не обойтись без третьего вопроса. – Он посмотрел на всех по очереди из их веселой, серьезной компании, прося разрешения задать третий, основной вопрос. Игнат уверенно кивнул, Олеся помотала головой, Михаил показал большой палец правой руки, Тимур, пожав плечами, показал, что ему все равно, Люба и Ксения, кивнули утвердительно.

Вздыхнув, Никита выпалил: – Дух и душа, смерть и жизнь, взаимосвязь.

Моя легкая усмешка, предназначалась моим усам. Таким же важным и значительным, как сидящие вокруг костра, прячущие свои страхи, мечты и деяния от всех. Но для меня они, все были как открытая книга, и все их тайны, я знал ещё до нашей встречи.

– Жизнь, огонек жизни зажигается в духе. Дух – это сила. Дух способен поддерживать искру жизни, раздуть ее до пламени свечи, чтобы приманить душу. Душа – это власть в кос-

мическом понимании этого слова. Дух может делиться и расти. Душа может быть источником света жизни и путешествовать по просторам всех реальностей Космоса. Дух и душа образуют союз, целью которого является преображение реальности и распространение света жизни. Дух, изначально привязанный к определенной реальности, благодаря взаимодействию с душой может научиться и обрести волю, то есть свободу перемещения в реальностях. Душа получает от союза с духом новый жизненный опыт и учится расти.

Смерть для человека – это переход, разделение души, духа и физического тела. Душа всегда молода, ее чувства руководят ею. Основное чувство души – чувство дома, после разделения душа стремиться домой, и если дух не способен оторваться от реальной Земли, то душе больно, и грустно. Если дух способен последовать за душой (что бывает очень редко), то наступает момент просветления, как это называют в восточных традициях, и образуется новая сущность. Новая, просветленная сущность способна учить, расти, путешествовать. – Я протянул руки к огню, взял в ладони язычок огня, отделил его от основного пламени, наполнил реальностью, поднес ладони к лицу и сдул язычок в ночное звездное небо. Язычок пламени с охотой покинул мои ладони и начал медленно подниматься в небо. Вся честная компания молча провожала взглядом, постепенно уменьшающийся язычок пламени.

– Если дух не способен отделиться от реальности, физического мира, то он застревает в нем, как в болоте. Вращается в предмет на месте разделения физического тела и духа. Без души, источника энергии, дух становится голодным, шумным и беспокойным.

Я взял веточку из костра, язычок пламени танцевал на ее конце. После разделения с основным пламенем, язычок пытался, как его предшественник устремится ввысь, покинуть веточку. Но все его дерганные движения вверх, спады и затухания, возвращали его к месту, где еще была пища для огня – древесина.

Минут пять я демонстрировал конвульсии языка пламени на веточке, не давая ему угаснуть. Потом опустил ветку назад в костер.

– Предвосхищая ваши вопросы. Вы славянских корней, и тюркских, – Я посмотрел на Тимура. – Большинство из вас крещенные, а это значит, что вашей душе открыта дорога в свет, а дух не будет метаться, если вы уйдете из этого мира спокойно, без эмоций. Сильные эмоции: ярость, гнев, страх привязывают дух человека к Земле, месту смерти. Человек спокойно ходит по земле, но если в земле много воды, то земля становится болотом, в котором ноги человека увязают. Так и сильные эмоции во время разделения с физическим телом могут стать связующей водой. Сильные духом всегда улыбаются жизни и ее продолжение через смерть. Если человек жил без веры в Иисуса или Аллаха, то его пример род, пылающий как этот костер. Идущие другим путем, по разному воспринимают момент перехода между жизнями.

– А буддисты и их книга мертвых? – Олеся смотрела над моим плечом, мимо костра и звезд, – иудаизм, тоже говорит о демонах подстерегающих там ... во мраке.

– Будда призывал людей стать просветленными – стать свечой, а каждой свече свое место. Долог и труден путь восточного человека. Их «жизнь» после перехода сродни туристу путешествующему дикарем, без карт и компаса. Легко ли простому человеку передвигаться в горах, ночью? – Я поднял глаза к ласкающему свету звезд, – даже, вы, грамотные, образованные люди не сможете определить по звездам направление к ближайшему городу, время года и время, оставшееся до рассвета. А после смерти, звезды светят иначе. Христиане, мусульмане переживают переход как туристы VIP класса: в назначенное время их заберут и отвезут в нужный им отель.

Каждому человеку, его душе, после перехода предлагается на выбор: искать дорогу самому; проводник (род); комфортная экскурсия.

– Благодарю за гостеприимство, – я поднялся на ноги, – вы получили от меня компас – указатель, теперь выбирать вам, куда двигаться и каким путем. Коснувшись тьмы, мое тело пошло растворяться во мраке ночи, а я переместился за спину Игната. Пора делать начертания.

Глава 2

Михаил

Михаил вздрогнул, когда из темноты, окружавшей костёр, вышел... дядька Игорь? Нет, старик ещё крепкий с седой до белизны бородой, густые седые брови, цепкий взгляд. Но как похож! Если тому дядьке Игорю, из детства, прибавить годков, хорошенько отмыть... Нет, всё равно негатив остаётся. Его странная ухмылка, вечно ищущий взгляд (чего бы стырить). Мама не отказывала своему «юродивому» брату в тарелке с супом, но за доброту Игоряша отплачивал украденным утюгом, испарившимся столовым серебром, исчезнувшим из прихожей моим великом. В общем, симпатии к гостю, Михаил не испытывал.

Люба обняла меня и меня как-то отпустило. Я вспомнил, что именно дядя Игорь подарил мне тот велосипед, а ещё, что он, заступившись за меня перед дворовой шпаной свёл меня с Игнатом.

Я перевёл взгляд на Игната (он с благоговением смотрел на гостя). Почувствовав мой взгляд, Игнат посмотрел на меня. «Это и есть тот человек, которого мы ждали?» – спрашивал я Игната взглядом: – «Он должен дать нам ответы на наболевшие вопросы»? Игнат утвердительно кивнул мне и снова перевёл взгляд на гостя.

Михаил посмотрел на гостя. Тот, выпив воды, как показалось Михаилу, поморщился (трудно сказать о мимике человека, лицо которого скрывает густая борода и усы).

Тут пустили «чарку мира» и когда Михаил сделал из пластикового стаканчика глоток, то там оказалась водка. «То-то старик к нему так приложился» – думал Михаил, глядя как стаканчик завершает круг вокруг костра (все чуть касались жидкости внутри). Стаканчик вернулся в руки старика. «Ну, сейчас залпом хлопнет», – с усмешкой подумал Михаил. И вдруг, раз – стаканчик оказывается в середине костра. Стаканчик стоит в огне целёхонький, а спиртное в нём загорелось.

– Как так? – Михаил замер с немым вопросом на губах. – Водку и в огонь?

Нет, дядя Игорь на такое не способен. Удивление, растерянность вытесняют из Михаила негативные воспоминания о дяде Игоре и... в руки Михаила всунули тарелку с едой.

«Что с ней делать?» – Михаил наморщил лоб, повернулся в сторону старика.

– Прими от нас от всех, – сказал Игнат.

«Ну, нет, больше я его кормить не буду», – с этими мыслями Михаил поставил тарелку на камень, со словами: «Прими от нас, от всех». Повернулся к старику, ища в его глазах голодный упрёк, спросил (с издёвкой в голосе): – Вы за вегетарианство? Или против?

Взгляд Михаила встретился с взглядом старика.

– Оп, – старик толкнул сознание Михаила в прошлое.

Чистый, трезвый дядя Игорь читал «Пикник на обочине» Стругацких: – Ты читаешь (ты умеешь читать)? – Миша подошёл ближе к креслу, в котором сидел Игорь: «да это моя книга, я её взял почитать и сейчас он её испортит». Миша хотел забрать книгу, но как объяснить причину вежливо.

– Папа, – Миша забежал в комнату и застыл. В доме были гости (дядя Игорь). Мишин папа и дядя Игорь играли в шахматы, чёрных фигур (которыми играл дядя Игорь) было больше на доске. – А вы умеете играть в шахматы?

– Не ходи туда, не смотри, – дядя Игорь стоял на пути Миши.

– Вот ещё, – фыркнул Миша и, толкнув плечом дядю, побежал к дедушке.

Мише подарили на день рождения маленького кролика. В городской квартире кролик не очень приятное животное (через какое-то время). В связи с «неадекватным» поведением кролика, его было решено отправить к бабушке Юре (отцу папы).

Вот на каникулах Миша с родителями приехал к бабушке. Миша бежал по двору дома бабушки и звал: «Кролик, кролик Тяпа». Миша увидел бабушку с ружьём на плече, заходящем за угол сарая. Миша побежал к бабушке, спросить «где его кролик». Из дома вышел дядя Игорь: «Не ходи туда, не смотри». Миша прошмыгнул мимо дяди Игоря и побежал за бабушкой. За сараем раздались два выстрела. Миша вылетел из-за угла сарая на задний двор.

– О! Привет, Миша, – бабушка Юра стоял над открытым деревянным люком, в руках держал багор, рядом с его ногами лежало ружьё. – Ты кролика просил, будет тебе кролик на ужин.

Сзади к Мише подошёл дядя Игорь, положил свои ладони на Мишины плечи.

– А я кроликов в яме держу, – дед Юра опустил багор в проём люка, начал им там шевелить, – так хлопот меньше, не убегут и огород не попортят. – Нашарив, что-то под землёй, бабушка начал, перебирая руками, поднимать багор.

В ушах Миши стоял крик из-под земли (так плакал-кричал Тяпа, когда Миша случайно прижал дверью его лапку). Миша зажал уши руками, но крик не выходил из его головы. Ладонь дяди Игоря закрыла глаза Миши. Миша с силой зажмурился, чтобы не видеть то, что поднимает страшный багор в руках бабушки Юры.

– Батя, ты же шкурки портишь, – говоря это, дядя Игорь развернул Мишу и подтолкнул в сторону двора, – да и подранков много остаётся.

– Кому нужны летние шкурки. Да и выделять много мороки, – слышал, убегая Миша, – теперь никто шкурки не покупает, только для собственных нужд. На вареники наберётся.

Металлургический комбинат, на котором работал Миша, раньше был единым целым – таким большим индустриальным «китом». Каждый работник был его частью. Потом началась перестройка и бартер. С Госзаказами ушли стабильные деньги, каждый стал сам за себя – тащить с комбината то, что можно было обменять на деньги: медь, никель, ферросплавы.

Работники комбината стали «планктоном» – никому не нужным, временным материалом, сгорающим в угаре алкоголя и нарушениях техники безопасности, а «синий кит» (редко трезвый) генеральный директор менял мерседесы как перчатки. Каждый раз, идя на смену, Михаил проходил мимо высокого, кованого забора главного управления комбината, любовался чёрными красавцами, сменяющими друг друга как времена года.

А потом перед глазами встало пламя камерной печи, на западных воротах третьего проката.

Михаил, в тот день, собирался на обед, когда в комнату мастера зашёл дядя Толя из соседнего подъезда.

– О, Мишаня, привет, – дядя Толик протянул Михаилу (заискивающе глядя ему в глаза) свою сухую и широкую ладонь (с чёрным трауром под давно не стриженными ногтями). – Ты теперь большой человек стал.

– Ты чего хотел то, дядя Толь? – Михаил отстранился от запаха исходящего дядей Толей. Запах был свойственен для человека пьющего всякую гадость и меряющего всё на свете ценой мерзавчиков (в ларьках на центральной проходной продавали настойку боярышника в мелкой таре).

Я к Семён Захарычу (начальнику смены). Назад решил проситься, – дядя Толя от волнения мямл в руках кепку.

– Так иди к нему, пока он на обед не уехал.

Ты, Михаил, замолви за меня словечко. Я, ведь, без малого, десять лет на комбинате, – дядя Толя остановился в дверях, говорил, не отрывая глаз от кепки в руках, – в завязке, закодировался. Справка есть.

– Хорошо, дядя Толь, – Михаил дружески положил руку на плечо дяди Толи, – после обеда зайду к Семён Захарычу. Ты в который раз возвращаешься на комбинат?

– В четвёртый.

Я задержался с обеда, так как ходил в управу (пришёл приказ на назначение меня мастером крановой службы). Возле входа в главное управление стоял новенький «Ягуар».

– Чей это? – спросил я у охранника Гриши.

– Генеральному хозяин подогнал из Москвы, – Гриша бросил окуроч в урну, – на мерсах ныне не престижно ездить. Салон ручной работы, телячья кожа, красное дерево, спецзаказ.

Войдя в цех третьего проката через западные ворота, я увидел группу людей возле открытой третьей камерной печи (в неё до обеда должны были поместить заготовку). Уже пройдя через молчаливую группу (Глаша – крановщица, Егор, Мишка, Вадик – слесаря, Михалыч – дежурный электрик и ещё человека три из смены) я увидел на краю печи Семён Захарыча и кепку дяди Толи (аккуратно сложенный в неё пачка Беломора, носовой платок, паспорт, всё прижато крупным камнем).

– Я ж ему говорю, – увидев меня, заговорил Семён Захарович, – тебя последний раз по статье ... на проходной взяли пьяным, с тремя килограммами меди.

Семён Захарович хотел бросить окуроч сигареты в недра печи, но передумав, бросил под ноги, раздавил носком правой туфли, махнул рукой и пошёл в сторону своего кабинета.

Михаил подошёл к краю каперной печи. Она была пуста, почти. Заготовку в неё не успели опустить. На дне печи, в белом пламени, выделялась тёмная клякса человеческого тела, свернувшегося в позу эмбриона.

– Позвольте, – Михаил услышал голос, свой голос, поднял глаза на Игната, – мы готовили три вопроса. – Глаза Михаила слезились, толи от дыма, толи от огней мира его памяти, – Первый вопрос был смерть, второй жизнь, а третий ...

В языках пламени костра Михаил увидел дядю Игоря, дядю Толю, Пашку – токсикомана с армейки. Каждый из них представлял отдельный лепесток цветка пламени на чёрном стебле – ветки из костра, поднятой гостем. Жизнь этих людей была коротка как отблеск пламени костра в ночи и с рассветом ни чего не останется в остывшей золе.

Михаил поднял большой палец правой руки вверх от сжатого до боли кулака.

«В моей жизни вы оставили след», – думал Михаил, глядя как язычки пламени стремятся вверх, к звёздам от такой тяжёлой Земли.

Старик, совсем не похожий на дядю Игоря, говорил о духовном росте, о соучастии в творении. Отпустил с ладони язычок пламени (как семечко одуванчика) в небо.

«Какие творческие потуги», – хмуро думал Михаил, – «когда жрать нечего. Вон язычок пламени без древесины улетел к праотцам, потеряв силы жизни (свою ветку – пищу для жизни), а на ветке, поднятой старцем из костра, огонёк плотненький конкретно сидит на ветке, ни какому ветру не задуть».

Никита

К костру подошёл (тихо подкрался) крепкий мужик, уже седой (похож на моего дядьку-охотника, дальнего родственника по отцовской линии с берегов Лены). Попросил попить воды и не шуметь: – «а то козлов распугаете», – подмигнув, сказал он доверительно.

Выпив до дна из пластикового стаканчика, дядька-охотник предложил пустить круговую, за знакомство. Хохмач Мишка подлил в круговую «чашу» спирта, а охотнику на охоте пахнуть нельзя, вот охотник и поставил стакан со спиртом в костёр, а сам отодвинулся подальше от костра. Спирт, естественно, загорелся, выдав подставу Мишки.

– Ой, а вы есть не хотите? – моя любимая Ксюша, заботливая и ласковая. Каждому котёнку готова налить молока, хоть на последние деньги (что не раз бывало в студенческие годы). – «Да что же ты моя любимая, голодному мужику, охотнику миской с салатом тычешь», – думаю я. – Вам мясное можно? – спрашивает она! – «Так надо спасти положение рачительных хозяев», – думаю, я достаю мясное, говоря вслух: – Собственно об этом и был спор.

В общем, наложил полную тарелку нормальной пищи, оставив немного места под салат (чтобы не обидеть Ксению). Полную тарелку передал Мишке (он опять что-то придумал, его глаза так и блестят). Мишка повернулся к дядьке-охотнику, отсевшему от костра, и со словами (подсказанными Игнатом) – «Прими от нас от всех», – ставит полную тарелку еды на камень. Ещё издевается, спрашивая про вегетарианство: – Вы за вегетарианство? Или против?

Тут ещё Олеся, со своим «экологически чистым» подходом к жизни: – Да наши мальчишки не хотят отказаться от мяса. Не видят пользу в здоровой пище. – «Посмотрел бы мой батя на тебя с твоими огурчиками, помидорчиками, когда на зимовье за соболем, а за стеной на улице за минус тридцать. Одной кашкой на воде сил не наберёшь для обхода всех ловушек засветло».

– Олесе зайчика стало жалко, – я смотрю на огонь, вспоминаю, каким милым зайчиком была Олеся на детском утреннике (фигурой статна, а умом из детского сада не вышла). – Наверное, она хочет иметь такие же большие уши или маленький хвост.

Тут в дядьке проснулся охотник и он начал рассказывать нам: чем отличается беляк от русака; чем питаются летом; чем питаются зимой; какие следы оставляют; признаки лёжки зайца; в какое время суток активны. Подведя итог, можно сказать, что взрослый русак – царь полей, которому нестрашны ни лиса, ни волк.

– Только человек способен добыть здорового, матёрого русака. Человек он как «синий кит» в океане жизни, любая дичь для него становится мелочью (если подобрать соответствующий калибр). А если подойти с умом, то можно добыть зверя и шкурку не попортить.

Китов я в живую не видел, а вот сома, на креветку, мы с отцом ловили.

Началось всё с того, что отцу порекомендовали попробовать креветок. Он поехал в магазин «Океан» и купил три килограмма мороженных креветок.

– Как их варить? – спросила мама.

– Как раков, – ответил «добытчик», – вскипятила воду с солью, опустила туда креветок, покраснели – доставай.

У мамы все креветки разом не вошли в кастрюльку, несколько штук она убрала в маленькую кастрюльку (про которую благополучно забыла). Вспомнили про креветок когда нужно было вскипятить молоко.

– Нужно выкидывать, – огорчилась находке мама.

– Зачем выбрасывать? – говорил папа, наслаждаясь маминым борщом, – сосед звал на рыбалку в выходные. Говорил, сома видел. Вот молодость и вспомню. Сомы на всякую экзотику с душком падки.

Дядя Боря (наш сосед по дому и гаражу) выделил нам на ночной лов свою лодку: – Днём он вон там, на мелководье, плескался. Вон в том омуте у него, стало быть, лёжка.

– Хорошо, до утра мы и сома поймаем и лодку твою вернём, – Папа проверял крепость плетёной лески.

– Фонарик то взяли?

– У меня хороший, шахтёрский, – папа повернулся ко мне, – Ник, посмотри в багажнике, мы заморских раков не забыли с собой взять?

Ночь, лодка, звёзды. Мы свою палатку не брали, так как дядя Боря собирался на зорьку, а палатка у него была большая, вместительная.

От воды тянуло холодом, я плотнее укутался в отцовскую штурмовку.

– Отдохни пока, сынок, – отец заметил моё шевеление, по раскачиванию лодки, – как сом пойдёт на наших креветок, то будет не до сна, попотеет.

– А сомы они большие? – зевнув, спросил я.

– Сом он как синий кит среди местной рыбы. Бывают очень крупные экземпляры. Может и размером с эту лодку.

– Хорошо бы с лодку, – пробормотал я, закрывая глаза.

Я стал вспоминать прочитанное из библиотечной книжки. Сом живёт в самых глубоких местах. Охотиться ночью. Днём может выходить на мелководье, чтобы погреться. Представляя себя большим, толстым сомом, который не имеет такой тёплой штурмовки и мёрзнет на дне реки, в полной темноте. Смотрит своими большими, чёрными глазами на проплывающих рыб, плавунцов, головастика и тут в темноте – луч света. Он ослепляет меня, я не вижу ни чего кроме этого света. Весь мир для меня становится светом.

– Ник, сынок, – трясёт меня папа, повернув ко мне голову, на которой ярко светит шахтёрский фонарик, – заснул что ли? Вставай, помогай тянуть сома, – протягивает мне толстое удище.

Я шевелю этим удищем и понимаю, что это ветка, а вместо вод реки, я ворошу прогорающие угли костра, – Позвольте, – говорю я приходя в себя, оглядываю всех собравшихся. «Да, это то мероприятие, на которое нас затянул Игнат», – собрался я с мыслями. Игнат мне кивнул, Тимур пожал плечами, Олеся помотала головой, Люба кивнула, Михаил показал большой палец правой руки, Ксюша кивнула и погладила меня по коленке. – «Что там Игнат просил меня? Ах да». – Я собрался и выдохнул (как отче наш): – Дух и душа, смерть и жизнь, взаимосвязь.

«Кого мы об этом спрашиваем?» – думал я, сгребая остывающие угли к костру, – «Гораздо практичнее слушать что-то практичное, применимое в этом мире». Например, вот охотник принялся рассказывать о правильном сборе валежника в любую погоду и разведении бездымного костра.

Люба

Я вздрогнула, когда за моей спиной раздалось: – «Доброго вечера, честной компании». Сначала я прижалась к Мише, потом оглянулась за спину. Там стоял тихий и незаметный дядя Андрей (сильно постаревший младший брат моей мамы).

– Ой, вы так тихо подошли, – я чувствую, как краснею, и злюсь на Андрея (вот же нашёл время и место), – Мы не ждали сегодня гостей, но Игнат... – я поворачиваю голову к Игнату, спрашиваю взглядом: «Его мы ждали?»

– Всё хорошо, Люба, – Игнат встретился со мной глазами и кивнул утвердительно, – Ребята, дайте человеку место у костра.

«Гость» подошёл аккуратно напротив Игната, между моей спиной и спиной Миши, значит сдвигаться нам. Я подвинулась ближе к Олеся.

Дядя Андрей тихо попросил воды, такой же потерянный в жизни человек (когда у него наступал трезвый период в жизни), скромный, интеллигентный. Люба окунулась через свои ощущения в воспоминания и очнулась только тогда, когда в круговую «чарку» Мишка (озорник) плеснул спирта. Когда они собирались в поездку, Люба нашла в вещах Миши литровую бутылку спирта: «для розыгрыша» – объяснил Миша – «или если замёрзнем».

Дядя Андрей, с сожалением на лице и болью в глазах (жертва?), поставил пластиковый стаканчик со спиртом в костёр, который естественно вспыхнул синим пламенем.

Ксюша с Никитой наложили гостю еды в тарелку, а Миша опять с «острил» – убрал еду на камень за его спиной (не дав еду в руки гостю).

«И правильно», – подумала Люба, – «дядя Андрей, то же предпочитал (в период трезвого образа жизни) не привлекать к себе внимания и если мама кормила его, то он старался принимать угощение вдали от посторонних глаз: в сенях, за печью на кухне. Он ел тихо, не отрывая глаза от еды, пока мама «сверлила» его своими глазами, упрекая и молясь за его будущее.

Потом опять подняли вопрос о вегетарианстве. – «Да отстаньте вы от человека!» – мысленно возмутилась Люба: «он ест то не каждый день, а в периоды запоя так и не каждую неделю».

Разговор о зайцах вызвал на губах у Любы лёгкую улыбку (почти грустную). Она вспомнила, как дядя Андрей взял её на базу отдыха. Там они сняли домик, где взрослые «гуляли», а Люба купалась и играла с кроликами (пыталась их погладить). Кроликов разводил директор базы и они беспрепятственно по её территории. Когда солнце опустилось за горизонт, дядя Андрей, набравшись «храбрости», пошёл охотиться на «зайцев», чтобы потом зажарить их на костре. Утром хватились «удачливого охотника», стали искать. Нашли дядю Андрея спящим на земле под ковром из живых кроликов, сидящих на теле «героя».

Картинка сменилась: дядя Андрей от одного места работы к другому, как маленький криль, подхваченный сильным морским течением, не может удержаться на месте и двигаться в нужную сторону. И вот, сильное течение подхватывает и несёт существо, привыкшее темноте и безграничности глубины под ним в яркие и тёплые воды, ослепив и лишив ориентации.

Мальчишки завели свои философские беседы о жизни, смерти и предназначении. Ксюша жестом привлекла внимание Любы и показала в сторону кустов (местный туалет). «Хорошо», – кивнула Люба – «пошли». Девушки встали и пошли в темноту.

Когда они вернулись к костру, все уже расходились спать. Только Игнат сидел и вздыхал у догорающего костра.

Тимур

Тимур нервничал перед поездкой, так как очень влиятельные люди заинтересовались судьбой Игната. Игнат был его лучшим другом, но карьера...

Мондраж не утихал, подходило назначенное время. Тимур перебирал в руках малую рудракши, смотрел в огонь и на звёздное небо: «нужно лишь время, для адаптации» – думал Тимур – «как глазам после яркого света костра медленно отрисовывают менее яркие звёзды на ночном небе».

Опустив глаза к пламени костра, Тимур боковым зрением уловил уплотнение тени напротив себя, за костром. Все пришли в движение, заговорили, а Тимур ни как не мог сфокусировать свой взгляд на тёмной фигуре (крупные мурашки пробежали по его телу, от одной мысли, что он встретится взглядом с ... гостем).

Тимур дышал: 12 ударов сердца – вдох, 12 ударов сердца – выдох. Сидел и смотрел на огонь, наблюдая и фиксируя действия других: Олеся налила воды в стакан; стакан пошёл по кругу; стакан оказался в центре костра. Вода в стаканчике горела слабым голубым пламенем. Но! Сам стаканчик (одноразовый) из белого пластика – не плавился!!!

Осознание невредимого пластика, выбило сознание Тимура из его физического тела и новым телом для Тимура стал голубоватый огонь над водой. Тимур физически ощущал свою отчуждённость от реального мира и сильное желание слиться с общим костром Жизни.

Ребята вели разговор о вегетарианстве; Миша поставил жертвенное блюдо на алтарь; Олеся, мнившая себя зайчиком, «прыгала» вокруг Игната; Игнат не хотел становиться «морковкой» для Олеси.

Маленький огонёк Тимура тянулся к большому огню (Тимур хотел оставить след в этой жизни, достичь значительных высот, а не гореть одинокой лучиной). «Я прочитавший так много книг» – думал Тимур (стремясь мысленно к свету) – «потративший больше всех (из здесь присутствующих людей) сил на поиски тайного...»

Яркая вспышка «выбросила» Тимура назад в его тело. Тимур сидел и моргал, просматривая всю свою жизнь: все повороты и перекрёстки. Когда зрение стало подвластно Тимуру, он заметил уплотнение воздуха над пламенем костра – овальную, вытянутую линзу-портал. В этой линзе появился худой старик, весь в белом, от макушки до кончиков сапог.

Тимур услышал голоса (кажется, Мишка говорил). В наступившей тишине мыслей Тимур задал вопрос тому, кого сейчас видел: – Жизнь вы нам ярко показали. А со смертью непонятно. Кастанеда говорит, что она слепа (Тимур попытался сдвинуть точку сборки – не вышло) физической субстанции.

– Всё относительно, Теймураз. – старец опустил посох (коричневый из живого дерева, так как на нём, при движении старца, шевелились листья у его наверху, на уровне рта старца). – Ты один заметил чудо, а твои друзья его проигнорировали (приняв чудо за горящий спирт), – старец опустил из линзы конец посоха в костёр, наткнул на него целый пластиковый стаканчик, поднял его в линзу.

– Ты видел свою прошлую жизнь, во всех возможных вариантах. В этом прошлом находилось рождение (твое и твоей сестры), так и смерть (твоей бабушки и тети). В твоём будущем много рождений (твоих детей, детей твоих знакомых, друзей, родственников), много смертей, но тебя интересует только твоя смерть и твой выбор, который ты должен сделать сегодня. Я могу показать последствия твоего выбора. Или могу ответить односложно. Что ты выберешь?

Тимур пожал плечами: – Вопрос не выбора, а справедливости. Мне всё равно прав я или нет. Главное что ему – Игнату всё достаётся легко, а мне приходится набивать шишки самому. И чтобы изменить сложившуюся для меня ситуацию, я должен выдернуть друга из его мира в розовом цвете и пойти с ним рядом.

– Ты думаешь, что жертвуешь другом?

– Справедливость, – Тимур сжал до боли в пальцах малу, – выше нет истины.

– Хорошо, – старец коснулся наверху посоха границы линзы-портала перед своим лицом (воздух в линзе стал терять свою прозрачность, наполнился, от низа к верху, белым дымом). – Я покажу тебе последствия твоего выбора и того кому ты помог, и кого наказал.

В линзе появилось изображение: Тимур видел всё своими глазами, свои руки (он их мог узнать «с закрытыми глазами», сколько смотрел на них, запоминая и представляя, закрыв глаза) с чьей-то одеждой. Тимур сделал шаг через порог двери, из душного предбанника в прохладу ночного двора.

– Тимур, – Семён Аркадьевич, раскрасневшийся, вытирал краем простыни пот со лба, – эти вещи закинь в багажник, и будь добр, захвати из холодильника банку тёмного для меня.

Тимур посмотрел на сидевшего рядом с Семёном Аркадьичем Игната: «неужели мой покровитель?» – мелькнула мысль и пока Тимур шёл по двору (в линзе), сидящий у костра Тимур думал: «Жаль, хороший мужик. Много не хапает и дела делает».

Потом Тимур подошёл к мультивену из губернаторского гаража, открыл заднюю дверь, положил в белый пластиковый пакет одежду, закрыл дверь. Пошёл к дому. «Дом прабабушки Игната» – узнал Тимур. Через сени прошёл на кухню, достал из холодильника банку «Guinness», взял упаковку «Löwenbräu», закрыл холодильник. На кухню зашла дочь председателя (Маришка).

– Зелени нарви в огороде, а то всё из магазина навезли, – Маришка стрельнула в него глазами, раскраснелась, – ни каких витаминов и минералов, один только вид свежести.

– Хорошо, – кивнул Тимур и вышел из кухни. Прошёл до бани, отдал банку «Guinness» Семён Аркадьичу, выгрузил бутылки их упаковки в ведро с водой. Семён Аркадьевич и Игнат сидели молча (ждали пока он уйдёт). Тимур пошёл в огород. Проходя мимо поленницы за баней, в самой темноте... Тимур почувствовал холод на коже: «дуновение как из преисподней» – подумал Тимур. И хоть его не пробирала ни какие ужастики ещё в эпоху видеосалонов, обратно Тимур пошёл в обход забора, не рискнув почувствовать на себе ледяное дыхание. На кухне сгрузив нарванный: зелёный лук, петрушку, салат, укроп, чеснок, Тимур стал мыть руки в умывальнике. На звук льющейся воды вышла Маришка.

– Сейчас, зелень в салат для вас нарежу, – повернувшись в сторону комнаты, говорила девушка, – и пойду домой. Чай сами управитесь, не маленькие. – девушка сменила Тимура на рукомойнике, обмывая зелень.

– А-а это ты, – на пороге дверного проёма в комнату стоял Семён Аркадьевич, – ты Игната сильно не задерживай, пусть, как помоемся, к нам присоединяется. А ты сам после баньки к Свешниковым в дом иди. Там для вас стол накрыли и постели приготовили.

Тимур кивнул и выходя с кухни почувствовал на своём плече руку: – Ты, Тимур, не забудь через месяц проставиться. Бумаги подписаны. Будешь завгаром.

В эйфории от услышанного, Тимур дошёл до лавочки, на которой сидел Игнат, закурил, достал из ведра две бутылки пива. Одну бутылку протянул Игнату.

– Дела пошли, – слышал свой уставший голос, – мечемся, мечемся, ан просвет появился. Поздравь меня Игнатыч, – Тимур стукнул своей бутылкой пива по бутылке в руках Игната, – через месяц буду начальником гаража, – бутылки вновь дружно звякнули, – Хватит баранку крутить, пора рулить делами поважнее.

– Молодёжь, пиво есть? – из бани вышел губернатор. Тимур, вставая с лавки, достал из ведра бутылку пива, открыл, протянул губернатору. Потом он зашёл в баню, собрал одежду Евгений Борисовича и понёс её в машину (Игнат остался сидеть с губернатором): – птица большого полёта, – думал, глядя со стороны Тимур, – правильный выбор я сделал и сам не прогорю рядом с Игнатом.

Когда Тимур вернулся в баню, Игнат подкидывал дрова в печь. У Тимура был повод насвистывать победный марш, повесив чистое бельё, он спросил Игната: – Ты идёшь?

– Сейчас, – Игнат отодвинулся от печки, – пойду, отолью и попаримся.

– Пиво в ведре с водой у входа, – Тимур зашёл в парилку, прокрыв за собой дверь, – не трогай, пусть стоит на улице.

Растянувшись на верхней полке, Тимур всем телом впитывал тепло бани. На коже образовались капельки конденсата от оседающей на холодной коже влаги. Закрыв глаза от удовольствия. И тут... картинка в линзе изменилась, втянула в себя всё внимание Тимура, все его чувства и ощущения перешли в другой мир.

Тело испытывало тепло и влагу бани, саму баню Тимур видел со стороны дома. Вот Игнат выходит из туалета и проходя мимо того самого места, где Тимура накрыл ледяной холод, кивнул кому-то головой. Заходя в баню, Игнат указал рукой на Евгений Борисовича и, зайдя в баню, плотно закрыл дверь.

Чёрный сгусток, студенистый, влажный, холодный окутал Евгений Борисовича. Тело Тимура стало покрываться холодным потом и его зубы, от холода, стали выстукивать «лезгинку».

Слух отказал Тимуру, он слышал бубнение голосов за стеной бани (Евгений Борисович и странная сущность), как пыхтит, раздеваясь, Игнат в предбаннике, но ясно разобрать что-то не мог.

Тёмный сгусток уменьшился в объёме, плотнее обняв тело Евгений Борисовича. Плоть Евгений Борисовича стала истончаться, сквозь неё стали видны белые кости скелета. Тимур хотел закричать.

– Не лезь! – волчья оскаленная пасть щёлкнула у носа Тимура, выгнав его назад в тело у костра, покрытое холодным, липким потом и мёрзнущего так, что зуб на зуб не попадал.

Глава 3

– Здравствуй, Игнат, – Странник появился в круге света от костра.

– Здравствуй, В...

– Не спеши, – останавливает он меня, – называй меня Странник. Я всего лишь часть того, кого ты вызывал.

Странник проявляется из темноты, формируя из темноты и пляшущего света костра странные, перетекающие друг в друга образы: седой старец, с длинной седой бородой и густыми белыми бровями; медведь, стоящий на задних лапах; кривой на один глаз, здоровенный детина в косоворотке, очень смахивающий на разбойника из трех богатырей (подручный соловья); что-то похожее на минотавра, с головой быка, тело скрыто под медвежьей шкурой (явно скульптура второсортного автора). Два последних образа явно демонического плана. Один карикатурное изображение Мефистофеля из старого американского мультика; второй огненный африт из советского мультфильма. Образы перетекают один в другой, плавно и как часть целого. Похоже на то, как смотришь в окно из электрички на ближайший лес: одно дерево, другое дерево, третье дерево – а все вместе – лес. Отдаляешься от окна и за окном только лес.

Фигура на границе света и тьмы втягивает от каждого сидящего у костра что-то темное, становится светлей и теплей, уютней. К огню подходит бравый капитан дальнего плавания в отставке, с окладистой бородой и усами.

Странник садится у костра, и начинает разговор с честной компанией. Я испытываю странное раздвоение себя. Один я сидит у костра и принимает участие в общей беседе со странником. Второй я – это костер. Нахожусь напротив странника, смотрю ему в глаза. Я одновременно и человек, окруженный кольцом огня и человек, тело которого состоит из пламени.

Я принимаю частичное участие в разговоре с ночным гостем всей компании, но отстраненно. Большая часть меня смотрит Страннику в глаза и мы беседуем, как бы наедине: я и Странник, а вокруг только ночь.

– Ты звал меня, Игнат, но все ответы уже известны тебе. Хочешь подтверждения? – Странник улыбается в усы, – протягивает ко мне руки, берет меня как младенца, подносит к лицу, целует в лоб и отпускает.

– Я костер? И я стану золой? – спрашиваю или утверждаю, еще не решил.

– Да. Сейчас ты огонь, позже останутся одни угли. Потом зола, но уже не ты. В золе тебя нет.

– Подтверждение. Почему я? Что я такого сделал? – эти слова должны были нести боль, не понимания, безысходности, но они остались только словами.

– Ты избранник с самого рождения. Твоя душа согласилась на эту роль. На тебе нет греха или вины. Сущность простого человека похожа на свечу, горящую на оборот. Каждый поступок простого человека откладывает свет в тени свечи. В огне свечи – будущее человека. Будущее более-менее вероятно. Твоя суть – это костер. Ты наполнен энергией доступной тысячи свечами. Простым людям легко жить рядом с тобой. Твои тепло и свет согревают их и рассеивают мрак будущего.

Когда настанет время исполнить предначертанное, твой огонь угаснет, пламя потеряет силу, энергия уйдет. Ты станешь углями, как этот костер через пару часов. Как долго будут тлеть угли, будет зависеть от количества людей вокруг тебя. Не все, кто с тобой сейчас, останутся. Прими это как должное. Ты потеряешь привлекательность, для них, в энергетическом плане. Но такой мощный канал энергии, который доступен тебе сейчас, не уйдет безвозвратно. Поэтому каналу ты сможешь получать информацию, как получаешь ее сейчас. В твоей голове вместо вопросов, возникают ответы. И любой человек сейчас или в будущем может получить через тебя ответ на интересующий его вопрос.

Ты не можешь совершать ошибки или творить грех – неправильное, так как у тебя нет выбора. Любое твоё действие приводит к положительному результату. У тебя нет союза между душой и духом. Твоя душа и твой дух заключили договор. Твой дух защищает твою душу, он окружает ее не касаясь, без слияния.

Странник произнес какие-то слова над водой в пластиковом стаканчике. Вода от его слов начала вибрировать. Он поставил эту вибрирующую воду в меня – костер. Моему пламени передалась эта странная вибрация. Я пел и гудел в этом ритме. Мои чувства говорили мне, что под действием странной вибрации, вода распадается на составляющие (кислород и водород), которые вспыхнули синим пламенем и горели ярко на верхней кромке воды.

– Вот так, это выглядит у тебя сейчас, – Странник смотрел вглубь меня на синее пламя. – Любое вещество ты превращаешь в свет. Твой дух воспламеняет все для души, чтобы она горела ярче.

– Ты знаешь, кто такие убогие? – на его вопрос я лишь кивнул, замороженный мистерией горячей воды. – Это случай, когда душа приходит в мир и теряет свой дух. Дух слабеет, уходит в сторону. Душа теряет связь с миром. Такой человек живет в своей реальности, но душа его способна нести чистую информацию. Поэтому среди той несущей, что обычно окружает человека в его словах и поступках, есть яркие просветы откровений.

Я-человек слушал про вегетарианство. Я костер видел сменяющиеся картинки с комментарием Странника, для меня.

Картинка: крупный заяц русак, с лихой пиратской повязкой через левый глаз, в кожаном поясе и сапогах, с двумя саблями наголо, вырезает стаю волков, – здоровый зверь не убьет больше, чем сможет съесть сам. – Странник дует на зайца. Заяц ухмыляется, тычет в сторону матерого волка саблями, тот превращается в морковку, размером с волка.

Картинка: маленькая креветка в деловом костюме, с дипломатом в руках, спешит в толпе таких же креветок на работу, они толкаются в метро, попадают на работу, где дружно начинают светиться. Свет все расширяется, образуя огромную смеющуюся корпорацию «Синий кит», – более сильный дух способен поглощать, присоединять к себе более слабый дух. – Я бы выразился более современным выражением: – сгорели на работе.

– Дух – это первичный огонек Жизни, ее искра. Дух, который перестал способствовать распространению Жизни, теряет нить – канал к энергии жизни. Он не видит связи с потерей энергии и своему действию в этом мире. Такой дух теряет свет своей жизни и темнее. Через призму своей темноты, он начинает замечать свет чужой жизни. Темный дух старается заманить к себе поближе более мелких, чем он, духов со светом жизни.

Картинка: волчица приносит волчатам зайца. Волчица идет на охоту, загоняет зайца, но тут появляется старый волк. Он сильнее волчицы и отбирает у нее добычу.

Дух может играть с более мелкими искрами жизни, входить с ними в союз, тогда они будут делиться с ним своим светом. Этого света должно хватать темному духу для дальнейшего существования. Если темный дух начинает пожирать искры Жизни, то он становится кляксой темноты.

Картинка: пещера в ней темное облако – древний дух. Вот в пещеру заходит молодой динозавр, прячась от палящего солнца и врагов. Древний дух касается его, дает ему уверенность и силу. Динозавр растет, приносит добычу в пещеру, чтобы разделить пойманный дух жертвы с древним духом. Динозавр стар, ему трудно поднять свое грузное тело и вынести наружу. В момент перехода он соединяет свой дух с древним духом. Время и пространство густеют во мраке пещеры как патока. Во время сильного дождя, в пещеру заходит медведь. Большой, сильный зверь нравится духу. Он касается сознания медведя во сне, играет с ним. Медведь остается жить в пещере. Приносит свою добычу древнему духу. Пещерный медведь стар, ему нет нужды больше поддерживать жизнь в грузном теле, которое перестает его слушаться, он в шаге от перехода. Дух пещерного медведя соединяется с древним духом.

Древний дух научился, живя со своими соседями, поглощать не только более мелких духов, но и вбирать в себя их жизнь. Всякая жизнь, будь то сверчок, мышь или олень, попавшие в пещеру, в силу обстоятельств, сразу поглощались темным, древним духом и плоть их истлевала вбираемая в очень короткий срок, оставляя после себя лишь хитиновые панцири и белые кости.

Язычок пламени танцевал на веточке для всех, стремясь ее покинуть, но возрождался вновь и вновь, на границе плоти ветки и красного уголька.

– Жизнь в проявлении духа, – Странник опустил ветку в костер и снова поднял, – может прервать другой дух, более сильный, – он дунул на язычок пламени, от чего тот изошелся слабой струйкой дыма.

Странник снова опустил ветку в костер, подождал пока на нее не переберется новый язычок пламени, поднял ветку: – Может поглотить, – он вдохнул в себя, втянул язычок пламени с ветки.

Странник улыбнулся мне, опустил ветку в костер. Когда на ветке заплясал новый огонек пламени, он вынул ветку из костра и опустил ее к земле между его ног: – А может и разбить на маленькие кусочки, – он щёлкнул пальцем левой руки по угольку на ветке, уголек разлетелся на кусочки, отдалившись от ветки, они упали на землю, где часть из угольков стала пристанищем для маленьких языков пламени.

– Пламя Жизни через угольки, искры способно быстро разрастаться на благодатной почве, – говоря это, Странник засыпал несколько угольков с языками пламени землей, движением правой ноги, – локальный очаг жизни может перейти в пожар, если ветер раздует его искры. Дождь, вода могут препятствовать возгоранию пожара и потушить пламя.

Странник наклонился к земле, левой рукой разгреб землю, отыскивая в нем черные угольки, откладывал их в сторону, потом собрал все на ладонь и протянул мне.

– Какой уголек еще способен нести огонь, а какой нет. Можешь определить? – я помотал головой.

Странник дунул на угольки, они проплыли к центру костра, стали у меня над макушкой, выстроились в круг, на расстоянии ширины моей ладони и вспыхнули ровными шариками свечного пламени. Огоньки горели покачиваясь, затем начали хоровод по часовой стрелке.

– Сейчас информация будет только для тебя.

– Странник переместился за спину моего физического тела, положил подбородок мне на правое плечо.

– Время твоего предназначения близко. Как только я положу руку тебе на голову, запустится движение в мире, которое приведет тебя в нужное время в нужное место.

Дальше ты перестанешь быть костром – пламенем, ты станешь временно обыкновенной свечой. После исполнения твоей задачи, ты станешь углями костра и будешь догорать данное тебе время. Продолжительность твоего существования в этом мире будет зависеть от тебя.

Хочешь сгореть быстро – пей, гуляй. Представь, что будет, если на угли плеснуть канистру спирта. Пламя до небес, жар сильный. Ты обязательно обожжешь кого-нибудь напугаешь и тебя зальют или забросают грязью.

Будет желание прожить с пользой, подольше. Старайся согревать теплом окружающих тебя людей. Да они теперь будут для тебя неприглядными, так как ты будешь видеть только их прошлое – тело свечи, а пламя свечи – их будущее будет тебе недоступно, так как твой свет будет ярче их пламени. Ты сохранишь информационный канал, поэтому на заданные тебе вопросы, люди будут получать правильные ответы. Только про тебя им не будет правдивого ответа.

Лес и чистый воздух будут способствовать твоему здоровью и продолжительности жизни твоей, – и он положил мне на голову обе ладони.

Глава 4

Сегодня у Тимура выпал шабутной день. Одни звонки с утра. Обязательно нужно успеть везде, а сегодня как назло приезжает какая-то шишка из Москвы. Прокопыч слег с почечными коликами. Уже третий день Тимур, возит губернатора с проверками. Евгений Борисович любит пронестись с ветерком и с пользой, загружая салон ответственными лицами. Семен Аркадьевич – мэр нашего славного областного центра – лучший друг Евгения Борисовича, и по совместительству дальний родственник Игната, сегодня весь день с ним колесит.

Игнат, человек у которого ни чего не когда не болело, именно сегодня поехал лечить зубы. Что-то там пошло не так и Игнат просил Тимура, забрать его из стоматологии, так как город перекрыт и такси не дождешься.

Тимур припарковал машину возле отеля, принадлежащему Евгению Борисовичу, где будет проходить пребывание чиновника из Москвы, а кушать он будет в ресторане, принадлежащему Семену Аркадьевичу, при этом отеле.

Не успела машина остановиться, как клевреты уже открыли дверь машины, выпуская Евгения Борисовича на свежий хвойный воздух (отель построили два года назад в парковой зоне). Семен Аркадьевич уже покидал машину, когда Тимур позволил себе заговорить с ним.

– Семен Аркадьевич. Вы долго собираетесь здесь пробыть. – Семен Аркадьевич, затормозил свое намерение покинуть роскошь заднего дивана и приподнял вопросительно брови. – Игнат просил забрать его из ... от стоматолога, что-то ему стало плохо после укола, а в городе кордон на улицах.

– А-а-а. Игнат, Игнат. – Семен Аркадьевич щелкнул пальцами левой руки и поманил стоящего возле двери полковника полиции, – Сопроводи. – повернулся к Тимур, – через полчаса будь с Игнатом здесь. Подождите меня, есть к нему дело. Потянувшись, хотел хлопнуть Тимура по плечу, но достал лишь до сиденья, махнул рукой и вышел из машины.

– Полковник полиции, Первухин Александр Сергеевич (кажется), замначальника городской ГИБДД, постучал по стеклу двери Тимура, Тимур опустил стекло.

– Куда? – пробасил полковник.

– Стоматология «Смайл» на Горького, – после слов Тимура, Первухин А.С. кивнул, подбежавшему капитану сказал: – Сам, посты заодно проверю и пошел к патрульной машине. Сел на заднее сиденье. Включились мигалки, машина тронулась, Тимур завел двигатель и тронулся за головной машиной ГИБДД.

Доехали быстро, главные улицы были пусты, а на пересечениях с второстепенными улицами их пропускали через поток по уже готовым коридорам, видимо предупредили по рации. Тимур припарковался у входа в стоматологию «Смайл», прямо на тротуаре, так как головная машина кортежа избрала путь по тротуару.

Выйдя из машины, мотор не глушили, Тимур зашел в холл стоматологии. Возле ресепшена сидел белый как простыня Игнат, правая его щека распухла.

Игнат посмотрел на Тимура осоловелыми глазами, попытался подняться, но стоял как-то не уверенно.

– Я тебя после литра в одно рыло таким не видел, – сказал Тимур, подхватив Игната под правую руку.

Девушка на ресепшене, в белом халате, раскрасневшись, пыталась что-то объяснить, но Тимур махнул рукой и повел друга к машине.

Усаживать Игната на заднее сиденье, Тимур не решился, вдруг, что произойдет, салон отмыть не успеют. А спереди, почти никто не садится.

– Все нормально? – Тимур сам пристегнул пассажира, остановился, оглядел друга.

Игнат сидел с закрытыми глазами, на вопрос кивнул. Тимур закрыл дверь и пошел обходить машину спереди. В головной машине ГИБДД открылась задняя дверь, вышел Первухин А.С.

– От уколов отходит? – спросил Тимура полковник.

– Да, что-то не пошло.

– У меня такие же проблемы. Не люблю я этих уколов, лучше водки замахнуть и потерпеть, – Первухин А.С., порывшись в нагрудном кармане куртки, достал пластинку таблеток, – На как вот, пусть под язык возьмет, – протянул две таблетки, – мне помогает.

– Спасибо, Александр Сергеевич, – сказал Тимур в спину уходящего полковника. Дошел до двери водителя, сел, пристегнулся.

– На, вот, таблетки, подъязык, – ткнул кулаком Игната в плечо. Игнат открыл рот, Тимур вложил ему таблетки.

– Поехали.

Машины тронулись. Обратный кортеж ехал медленней, по другому маршруту. Головная машина кортежа часто останавливалась возле дежуривших на перекрестках полицейских. Первухин А.С. опускал стекло, оглядывал молча, поднимал стекло, и кортеж продолжал движение.

– Начальство бдит, – сказал сам себе Тимур, и вы не бздите.

По времени подъехали к отелю вовремя. Машины встали, из них ни кто не выходил. Минут через 10 Игнат открыл глаза: – воды.

Тимур подал ему бутылку «Aqua Mineral». Сделав два больших глотка, отстегнул ремень безопасности и открыл дверь из машины. Отойдя, к растущим в 10 метрах соснам, Игнат снял шапку и прислонился лбом к могучему стволу сосны. Через некоторое время, Игнат поднял голову, посмотрел на высоко расположенные ветки, обошел ствол и прислонился к нему спиной.

Минут через пять, двери черного хода ресторана открылись, из них вышел Семен Аркадьевич, осмотрелся, увидел Игната, пошел к нему. Они обнялись, Семен Аркадьевич доставал Игнату до плеч. Потом мэр взял Игната за предплечье, потрясая, восхищался его габаритами и молодостью. Родственники двинулись к машине. Тимур вышел открывать двери.

– Эк молодец вымахал, – говорил Тимуру и всем кто слышал Семен Аркадьевич, – я его еще вот таким у бабки Нюры на коленях держал, неопределенный жест рукой, показывал приблизительные габариты юного Игната.

– Я думал, хилёк вырос, раз институт культуры закончил, ан нет. Не зря лесничим хотел в детстве быть, чисто лесной, с деревьями разговаривает, – смеясь, Семен Аркадьевич сел в машину. Игнат сел с другой стороны.

Сев в машину, Тимур посмотрел через зеркало заднего вида на Семена Аркадьевича, спрашивая, куда дальше.

– Давай, Тимур, в мои погреба, – Тимур кивнул, завел машину, доехал до служебной машины ГИБДД с Первухиным А.С. на борту, опустил стекло: – в Малинки, – поднял стекло, дождался пока выстроится кортеж и поехали по известному маршруту.

Всю дорогу до дома Семен Аркадьевич вспоминал молодость. Как хорошо и тихо было в деревне у бабы Нюры. Какие грибы. А рыбалка. Охота вообще сказка. Как они с отцом Игната, лазили по соседским огородам. Раз из озорства, покрасили рога у соседских коз, а один вредный козел так лягнул Семена Аркадьевича копытом, что порвал штаны и все лето не сходил синяк. За что его прозвали копыто.

– Помнишь бабу Нюру, хотя она тебе прабабушка была, а отец твой мне двоюродным братом приходился – кузен – пары воспоминаний молодости еще пьянили Семена Аркадьевича, – да не смог я твоему отцу тогда помочь. Сам в заморочках был, – как похмелье опустилось на Семёна Аркадьевича вновь обретенная реальность.

– Я этим летом был у отца на могиле. С мамой прибрались у бабы Нюры и у бабы Аси.

– А я там лет семь не появлялся, – взмахнул руками, посчитав на пальцах удивился Семен Аркадьевич, – ты, Игнат, готовься, недели через две махнем с тобой к родным корням. Сейчас заедем, выдам тебе лекарства, французское и документы кое какие тебе передали, изучишь. Надо тебя к делу приобщать, чай не чужой человек.

Последующие две недели выдались для Игната суетливыми, наполненными делами, которых нельзя было ожидать.

В пакете документов, переданных Игнату Семеном Аркадьевичем, содержалось нынешнее состояние дел ДК «Станкомаш» с прилегающей территорией в 10 гектар, ожидаемые денежные вложения в реконструкцию здания и прилегающей территории. В приложенной к документам сопроводительной записке был указан номер телефона Льва Израилевича, доверенного лица Семен Аркадьевича, по финансовым и бухгалтерским вопросам.

Лев Израилевич оказался очень мягким человеком в общении, пока вопрос не касался цифр, бухгалтерии и немного юридического аспекта (как с первыми двумя обращаться). После звонка Игната на следующий день, Лев Израилевич ввел нового гендиректора ДК «Станкомаш» ООО «Народная самодеятельность», в дела сметы и знакомства с генеральным подрядчиком, основными инвесторами, руководителями народного творчества, имеющие гастроли по территории всей Российской Федерации, и имеющих перспективы выйти на международный уровень. С бывшим генеральным директором ООО «Народная самодеятельность», а ныне Директором по развитию Самсоном Павловичем, приехавшему из Франции, специально для знакомства с Игнатом лично. Лев Израилевич объяснял Игнату ценность каждой встречи и соответственно «ценности» объяснял, как нужно вести себя с тем или иным оппонентом. Сколько и кому давать процентов, назначить оклад, с какой интенсивностью совершать рукопожатие или ограничиваться кивком головы.

В документах о вступлении Игната в должность генерального директора стояла дата двух недельной давности.

– Мелочи, – небрежно бросил Лев Израилевич, – вы Игнат Викторович, обратите внимание, что вся бухгалтерия и баланс сведены в ноль. Мы ничего не должны ни городу, ни поставщикам. Самсон Павлович честный человек и прекрасный организатор, но хозяйственник из рук вон.

В каком плачевном состоянии здание, а парк. Начал два года назад укладывать тротуарную плитку, до сих пор половина дорожек не закончена. – Все хотят кушать и не кашку на воде, – Лев Израилевич похлопал по плечу Игната Викторовича, – но надо знать меру.

– Счастье, что Самсон Павлович, поправляя свое здоровье в Германии (когда начались аудиторские проверки) встретил однокурсника по Институту Культуры. Знатная, должен вам сказать личность была в нашем городе. 10 лет учиться в Институте Культуры и получить все-таки диплом, – Лев Израилевич налил стакан воды, посмотрел на свет через стакан с водой, достал две пилюли, запил их водой: – М да, возраст, почки, давление – букет, жалко, что не цветов, так как нельзя выкинуть и купить новый.

Лев Израилевич перевел взгляд на Игната Викторовича: – Ах, да. Германия. Там Самсон Павлович подписывает со знакомым по Институту, договор на гастроли нашего ансамбля народной песни. После бурановских бабушек, это стало модно не только в России. Вот, а сейчас Самсон Павлович привез договор по обмену наших трех коллективов на их народные ансамбли пожилых бюргеров. Сегодня-завтра с французами подписали аналогичный договор, а там кто знает.

– Вообще, через год, полтора здесь будет центр народного творчества с поддержкой на федеральном уровне и все уже должно соответствовать: и здание, и парк с открытой сценой. Справишься с задачей, получишь в подчинение площадки в области.

Лев Израилевич взял Игната Викторовича за правую руку, посмотрел ему в глаза: – Справишься, верю. – Но моя задача это люди и цифры. Твои преподаватели хорошо отзывались о тебе. Память у тебя хорошая. Запоминай то, что я тебе буду говорить. Не надейся на бумажки и секретарей. Привыкай сразу имя, фамилия, отчество – цифры. Я тебя сильно перегружать не стану. Буду обращать внимание только на ключевые фигуры, объясню что, зачем и кому. Остальное возьму на себя. У меня схема отработана, фирма маленькая, но крепкая.

– Мой старший брат, знал кто и сколько со времен приватизации, но вел все записи в книжечке, которую утратил с течением времени (привязанность к молоденьким девушкам, может стать неприятным основанием потерять все, даже белый свет). Недельку я с тобой поработаю, а еще через одну проведу экзамен. Дам человечка верного, на случай, если придется отлучиться или заболеть.

И вот сегодня после «экзамена» у Льва Израилевича, раздается звонок от Тимура: – Завтра в 8:00 забираю тебя из дома.

– Куда?

– К родным корням, так велел передать Семен Аркадьевич.

– А, – Игнат вспомнил, с чего начался весь сыр бор, – А, что уже две недели прошло?

– Да, будем ты, я, мэр и губернатор, – голосом лектора, произнес Тимур, – без свиты.

– Хорошо, что брать с собой. – Игнат почесал затылок, – Позвоню сам Семен Аркадьевичу, и...

– Даже не думай, – перебил меня Тимур, – Семен Аркадьевич велел связь с ним держать через меня. Там какая-то канитель после приезда чиновника из Москвы. Нужно соблюдать конспирацию. И машина со всем нужным уже отбыла сегодня днем.

– Хорошо, буду готов к 8:00.

– До связи. Подъеду, наберу.

Утром, Тимур на губернаторском минивэне забрал сначала меня, потом заехали за мэром и губернатором. Салон минивэна был трансформирован в четыре отдельных кресла и столик между ними. На задних креслах разместились старшие друзья, а Игната попросили покинуть коптик водителя и занять место за столом.

– Уточек постреляем, – говорил Семен Аркадьевич, доставая из-за кресла спортивную сумку. Передал ее Игнату, – мечи на стол, мне виски. Евгению Борисовичу кальвадос, себе выбирай сам.

Стаканчики, как и все, кроме бутылок с горячительными напитками, имели на дне металлические полоски. Стол примагничивал к себе посуду, не давая ей перемещаться по его поверхности. Все закуски были упакованы в одноразовые, пластиковые контейнеры, имели наклейки с надписью, поясняющие содержание.

Игнат расставлял контейнеры по мере их попадания ему в руки из сумки. «Лисички», «бутерброды с икрой», «маренное мясо оленя», «белые грузди», «салат Цезарь», и прочее заполнило стол.

– Ты не стесняйся, Игнат, – Евгений Борисович показал Игнату жестом, что нальет кальвадоса, – Игнат кивнул, – у нас, деревенских парней, нет этикета и закуску берем руками, – передал наполненный стаканчик Игнату, и протянул бутылку кальвадоса. Для бутылки нашлось прекрасное место в специальном креплении у ножки стола.

– Ну, выпьем за генерального директора ООО «Народная самодеятельность», – Семен Аркадьевич поднял пластиковый стакан, – уже месяц как в должности, а не проставляется. Не чокаясь.

Евгений Борисович подмигнул Игнату, мол понимаем, что не месяц. Все два часа пути прошли ровно за спокойными воспоминаниями боссов о далеком детстве и юности, всплывающих на волне легкого алкогольного опьянения. Подъехав к дому председателя, пересели на 80 крузак, где находился полный пакет охотника на уток для троих и егеря Борис, за рулем.

Тимура отправили к дому бабы Нюры, контролировать приготовление к встрече уставших охотников. Для полного погружения в юность, было решено попариться в старой баньке, без изысков.

На подъезде к озеру, вся троица вышла из машины и переоделась, получили ружья, патроны. Егерь сопровождал их до места в камышах, на берегу озера, показал зоны обстрела и ушел дальше по берегу.

Евгений Борисович и Семен Аркадьевич поставили раскладные стулья у воды и сели в них, лицо к озеру, ружья остались лежать на траве.

– Воздух та какой, – Евгений Борисович вдохнул полной грудью воздух через нос, – я рад, что согласился на твои уговоры и выбрался из города. У меня вчера вечером прилив сил. Ух. Анну Степановну приголубил, на балкон вышел: звезды, Жизнь. Все по новому захотелось начать.

– Ты, Женя, начинай новое, но и старые дела не забрасывай, – Семен Аркадьевич, явно, продолжал какой-то старый спор. Глядел вдаль, на другой берег озера. – Выводи активы, которые крепкие. Что попроще, да менее ценное – готовься отдать. Не зря этот москвич нарисовался.

– Да будет тебе, Сеня, панику сеять. Посмотри, какая погода стоит, – Евгений Борисович махнул рукой в сторону озера, неба, – твой Лева обо всем побеспокоился. Активы, что через тебя идут, он прикроет, а остальное...

– Игнатушка, – Семен Аркадьевич повернулся к Игнату: – ты ружье заряди, да пальни пару раз, как утки полетят. Люди старались, готовили нам встречу.

Игнат кивнул, взял «разломленное» ружье, зарядил два патрона и повесил на левую, согнутую руку.

– Перед выстрелом кричи «Огонь», – поморщившись, сказал Евгений Борисович, – а то оглохнем и заработаем нервный тик.

До того как солнце коснулось верхушек деревьев, на участке берега, где разместились Евгений Борисович, Семен Аркадьевич и Игнат, велась оживленная беседа, прерываемая выстрелами из ружья Игната.

Евгений Борисович, находясь в благодушном настроении, воспевал красоту жизни на природе, иногда, соглашался с доводами Семена Аркадьевича о прикрытых тылах, верных людях и происки завистников.

Семен Аркадьевич воздавал должное природе, только как месту, где жучков и прослушки не поставишь. Жизнь нужно прожить с умом, в комфорте и обеспечить старость. Большинство из активов за последние три года, нужно будет отдать. Вот, Фомич, после того как его племянника загребли в отдел, по борьбе с коррупцией, в больницу слег, а на нем только старые активы записали. И не затем было, Евгению Борисовичу, с сенатором закусываться из-за этих «соков». Вся эта катавасия с проверками после этого как раз и началась.

Евгений Борисович сетовал, что они не взяли спиртного из машины, на что получал ответ от Семена Аркадьевича: – аппетит нагуляем к вечеру. Серьезный разговор и алкоголь не совместим.

Игнат слушал их в пол-уха, палил из ружья в небо. Утки были ему не интересны ни как дичь, ни как еда. Когда ружейные выстрелы стихли по всему озеру, Игнат отошел от стариков на взгорок и смотрел, как по озерной глади скользят три лодки, собирая трофеи и подранков. В камышах на берегу сновали с гавканьем собаки, вытаскивая подранков.

Солнце коснулось верхушек деревьев на правом берегу озера. Появился идущий пешком егерь Борис, увидел Игната поднял вверх скрещенные руки «стоп, сворачиваемся». Игнат пошел к затихшим представителям местной власти.

– Борис идет, – сказал Игнат, подходя к тихо сидящим Евгению Борисовичу и Семену Аркадьевичу, – показывает, что пора сворачиваться.

– Хорошо, – вставая со складного стула, сказал Семен Аркадьевич, – пора в баньке погреться, а то Евгений Борисович хочет лодку зафрахтовать.

– Да уж лет 20 на веслах не ходил, – с кряхтением поднялся Евгений Борисович. Будет тебе повод, Семен Аркадьевич, в следующий раз меня из городу выманить.

Игнат проходил через двор, когда Семен Аркадьевич окликнул его и похлопал по скамейке рядом с собой. Семен Аркадьевич сидел в простыне, раскрасневшийся после бани, от его тела поднимался пар. Скамейка была черная от старости, стояла возле входа в баню, на двоих.

Когда Игнат подошел к бане, из её дверей вышел Тимур с одеждой Семена Аркадьевича на руках.

– Тимур, – Семен Аркадьевич вытер краем простыни пот со лба, – эти вещи закинь в багажник, и будь добр, захвати из холодильника банку темного для меня. И чистое для себя и Игната возьми, – Повернулся к севшему на скамью Игнату, – сейчас Евгений Борисович напарится и вы пойдете. Банька маленькая, аккуратно на двоих. Помню как баба Нюра меня там крапивой парила.

Минут пять сидели молча. Подошёл Тимур, предал в руки Семёна Аркадьевича запотевшую банку, выгрузил бутылки с пивом в ведро с холодной водой и пошёл в огород. Игнат слушал сверчков, шипение воды в каменке, шум от парящегося Евгения Борисовича, слабо пробивался сквозь стенку бани.

– Ты, Игнат, сильно не парься. Погрейся и к нам за стол, – Семен Аркадьевич прихлебнул принесенного Тимуром пива. – Что-то губернатор там распарился, как он выйдет, заходите.

Допив банку пива, Семен Аркадьевич продолжил:

– Губернатор скоро сменится. Скорей всего поставят Горняка, а там и я через пол годика пост потеряю. Москве сейчас нужно чтобы регионы деньги им в нужном количестве отправляли вовремя. М-да, пора на покой. Ты, Игнат проведен через Москву, а значит, проверен и одобрен. Тебя мы оставим как нашего представителя, чтобы нам войти к нужным людям, если нам понадобится.

– Много, Евгений Борисович, в этом году под себя подмял, – потом с оглядкой на закрытую дверь сказал Семен Аркадьевич склонившись в сторону Игната. – самого его не возьмут, слишком много знает, но активы отождут... Вот, если бы по состоянию здоровья, сам ... – Семен Аркадьевич похлопал Игната по плечу, с кряхтением поднялся со скамейки, – Не задерживайся, – и пошел к дому.

Игнат сидел в тишине, смотрел на звездное небо. Минут через пять подошел Тимур, сел, закурил. Протянул Игнату запотевшую бутылку пива.

– Дела пошли, – вздохнул Тимур, – мечемся, мечемся, ан просвет появился. Поздравь меня Игнатыч, – Тимур поднял бутылку с пивом к Игнату, – через месяц буду начальником гаража. – Они стукнули бутылками, Игнат улыбнулся, – Хватит баранку крутить, пора рулить делами поважней.

Открылась дверь. Из проема вырвался пар и квадрат света, который заполнился тенью выходящего из бани Евгения Борисовича: – Молодежь, есть пиво?

Тимур, вставая с лавки, добыл бутылку пива, – открыл и протянул Евгению Борисовичу. Игнат хотел встать с лавки, но рука Евгения Борисовича опустилась на его плечо, удерживая его на месте и служила опорой, когда Евгений Борисович сел на лавку. Тимур зашел в баню и вышел с одеждой Евгения Борисовича.

– Семен Аркадьевич, дело говорит. Ты, Игнат, его слушай, – Евгений Борисович, хлебнул пива, вытер выступивший пот, краем простыни. – Идите, парьтесь в баньке, дров подкиньте, а я тут еще посижу, остыну.

Игнат встал, пошел к поленице, которая находилась за углом бани. Набрал пять поленьев и решил, что хватит. Когда Игнат подбросил в печь дрова, в предбанник зашел насви-

стывая Тимур, повесил чистое белье и полотенца на вешалку. Тимур начал раздеваться, – ты идешь?

– Сейчас, – Игнат закрыл заслонку печки, – пойду, отолю и попаримся.

– Пиво в ведре с водой у входа, – Тимур прошмыгнул в баню, прикрыл за собой дверь, – не трогай, пускай стоит на улице.

Игнат кивнул Тимуру через закрытую дверь, улыбнулся, осознав, что Тимур его не видит и вышел в сумерки. Евгений Борисович сидел еще на скамейке, откинувшись спиной на стену бани. Игнат решил не беспокоить разомлевшего после бани губернатора, тихо пошел к туалету, размышляя о странном свойстве его тела, требованием извергнуть из себя излишки жидкости именно в жаре бани.

На обратной дороге к бане Игнат увидел ... Странника, выступившем из тени поленницы за баней. Игнат ему кивнул, хотел поздороваться, но Странник приложил палец к губам. Раздеваясь в предбаннике Игнат слышал: голоса Евгения Борисовича и Странника, кряхтения Тимура в бане и звук воды переходящей в пар на каменке. Голоса возле бани звучали спокойно. Игнат пожал плечами «о чем могут говорить два таких разных человека» и пошел париться.

– Здравствуй Наместник.

– Я ожидал, что за мной придет Наставник.

– Нет. Род решил забрать тебя себе. У нас есть для тебя работа.

– И хорошо платят?

– Исправишь совершенное тобой. Плюс бонус – останешься в этом мире.

– То есть от пекла ада вы меня отмажете?

– Решать тебе. Правая моя рука – наказание. Левая моя рука – испытания. Что ты выберешь?

– Давай левую.

Глава 5

Темнота.

Кошка Мурка.

– Привет киса. – Слава взяла кошку под переднее лапы и подняла на уровень своих глаз. – Привет, Мурка.

Глаза девочки и кошки встретились. Кошка полу прикрыла в приветствии глаза, желтые с продольными зрачками.

– Кошка, редко в дом заходит, – бабушка заварила чай, долила кипятка и поставила чайник на печку, – тебя встречать пришла, соскучилась.

Слава была готова закружиться с Муркой на руках по кухне от радости встречи, но девочка хорошо знала, что кошке это неприятно. Поэтому, она отпустила кошку на пол и муркнула как большой котенок приветствует свою мать (этому она научилась у котят прошлым летом).

Темнота.

Кошка Мурка.

Эй, привет кошка, – Слава увидела, кошку на заборе. Девочка залезла на забор, хотела снять кошку, но когда глаза девочки поравнялись с глазами кошки, кошка мурлыкнула: – не надо меня трогать. Лучше налей молока.

Девочка с сомнением слезла с забора. Может ей показалось?

– Ну, пойдем, – пошла к дому, оглядываясь на кошку. – Поймет или показалось?

Кошка, как настоящий канатоходец (она видела их в цирке, когда ходила с мамой, папой и братом), пробежала по верху забора, спрыгнула на поленницу.

Мама! Мама!

Темнота.

– Что так сильно стучит? Сердце. Как оно бьется. Вот-вот выскочит из груди. Тяжело дышать, слезы душат. Мама!

Что говорила Олеся: – сутки в темной комнате для открытия позитивного в себе. Негатив за такой короткий период может задавить. Если будет тяжело, то слезь и начни дышать ровно, считая выдохи.

Слава села. В темной комнате не понятно открыты у тебя глаза или закрыты. Представила пламя свечи.

– Если заметишь скачек в счете, то пускай вперед проводника, так говорила Олеся, на одном из занятий.

Так проводник к хорошим воспоминаниям – кошка Мурка. Странное чувство юмора было у дедушки с бабушкой. Кошку звали кошкой, собаку – собакой, а волка – волк.

Успокоившись, вытираем слезы.

1.2.3247...348...349...350. Стоп. Кошка Мурка. Они стояли возле двери сарая. Кошка Мурка смотрела на Славу.

– Тебе входить тут, – мурлыкнула кошка, – давай. Девочка открыла дверь, кошка повела ее к лестнице, приставленной ко второму ярусу, где дедушка хранил старые вещи.

– Тебе здесь, – мурлыкнула кошка, а сама побежала своим путем наверх.

Слава поднялась по лестнице на второй ярус сарая, на старом сундуке лежала фуфайка дедушки. Кошка запрыгнула на сундук, мурлыкнула, – выходи, я пришла.

Под полкой фуфайки кто-то зашевелился, запищал. Слава приподняла край фуфайки, там были четыре пушистых комочка – котята. Еще слепые. Их радость, вся их любовь к матери выражалась через короткое – мяу, такое тонкое и неуверенное.

– Мои, – гордо мурлыкнула кошка. И легла их кормить.

Темнота.

Как быстро сваливаешься в сон, в таком месте, темно и тихо. Олеся предложила ей подработку, но прежде чем приступить к работе, нужно испытать на себе все, что могут проявить будущие клиенты. Деньги не пахнут для студента, хоть Слава и испытывала финансовые затруднения (папа пополнял карту регулярно). У нее, как у будущего психолога, был свой интерес в этой стороне психологии человека.

Многие эзотерические школы прибегали к услугам темной комнаты. Было пять комнат маленьких с полной звуко и светоизоляцией. В одной из них находилась сейчас Слава.

Велислава – это я, – сказала вслух девушка и легла на спину.

– Осмотришься и выступишься, – говорила Олеся, когда Слава согласилась на эту работу, переодевалась в раздевалке.

Что открыты глаза, что закрыты. Слава начала дышать ртом, чтобы слышать хоть что-то в этом замкнутом мире.

Так. Ей предстоит наблюдать через монитор за гостями в любой из пяти малых комнат. Были еще две большие комнаты с двух ярусными кроватями – «тур выходного дня» – так называла их Олеся. Люди могли за умеренную плату, одну две ночи провести наедине с собой в полной темноте и относительной тишине, так как можно было слышать дыхание других гостей. В «туре выходного дня» гости сами регулировали уровень тишины, если у кого-то сдавали нервы или громко храпел.

Слава читала в интернете, что у американцев проводили исследования в подобных условиях со студентами, так они, за 5 суток нахождения в такой комнате и полной тишине 75% времени, просто спали.

Слава рассказала Олеся об американском эксперименте, когда они подходили к темной комнате для Славы.

– У нас другие гости, – отвечала Олеся, – люди знают, за чем сюда идут. Глупо арендовать бильярдный стол, только для того, чтобы на нем поспать. Да и неудобно.

Олеся открыла тяжелую стальную дверь (еще с советских времен бомбоубежища). Девушки оказались в коридоре с зелеными стенами. Справа и слева находились по одной двери.

– Это комната для «тура выходного дня» – Олеся открыла дверь с лева. Слава заглянула в темную комнату. – Свет включается здесь, – Олеся показала на круглую шайбу регулятора возле двери, – на него достаточно нажать и свет начнет постепенное увеличение интенсивности в течение 30 минут. Это нужно для адаптации зрения после полной темноты, чтобы вывести свет сразу на максимум, нужно повернуть шайбу регулятора почасовой стрелке.

Свет в комнате плавно набрал интенсивность. Стали видны двух ярусные кровати. В изголовье каждой находился номер (№13, №14 на ближайших слева, № 24, № 25 справа), у дальней стены от входа стоял длинный стол заставленный бутылками с водой.

– Справа и слева от стола стоят за маленькими загородками биотуалеты. – Олеся присев показала рукой под верхним ярусом кроватей. Слава тоже присела посмотреть. – Камеры наблюдения стоят в проходах, две на этой стене, одна над столом. Они позволяют контролировать, по желанию заказчика, ситуацию в комнате. Рядом с каждой камерой установлены два инфракрасных прожектора, для съемки в темноте. В прикроватных номерах встроен звуковой датчик. Если гость ведет себя излишне активно, то загорается инфракрасный светодиод и подсвечивает номер места. Пойдем дальше.

Олеся и Слава вышли из комнаты.

– Свет гасится автоматически после закрытия двери, – Олеся повернула круглое колесо запора, как на кораблях или сейфах из кино. – Пол во всех помещениях сделан тёплым, в каждом помещении своя вентиляция (наследие бомбоубежища советского периода). Если будет интересно, то обратись к Михаилу. Он тут все устраивал.

Олеся открыла дверь в следующий блок.

– Здесь находятся комнаты для индивидуального погружения. Гости этих комнат будут находится под твоим наблюдением.

Блок состоял из небольшого коридора со столом посередине и 4-мя стульями. Из коридора в комнаты вели пять дверей, две справа, две слева и одна напротив входной двери в блок. Олеся подошла и открыла именно эту дверь. За дверью открывалась небольшая комната. Слева вдоль стен стояла кровать, справа стол, на котором стояли пол-литровые бутылки с водой, сразу справа от входа за мягкой загородкой был биотуалет и раковина с умывальником.

– Над туалетом установлена камера, через которую вделся наблюдение за гостем, – Олеся показала на камеру в углу. – Инструкцию по нахождению помнишь?

– Да, – Слава прошла и села на кровать, – а в этих комнатах свет не регулируется? – она волновалась как на экзамене, ведь ей предстояло провести 24 часа в полной изоляции.

– Когда дверь открывается свет загорается автоматически, при закрытии он гаснет. Но есть одно отличие, – Олеся подошла к входной двери и провела рукой по об наличнику двери. – За полчаса до открытия двери по ее периметру начинают загораться светодиоды. Сначала слабые, потом мощнее, потом снова слабые, мощнее, еще мощнее и т.д. Всего пять ступеней мощности. За минуту до открытия двери загораются все сразу. Это наилучший вариант для адаптации глаз человека к свету, после длительного нахождения в полной темноте.

– Если ты готова, – Олеся села рядом со Славой на кровати, взяла ее подбородок левой рукой, посмотрела ей в глаза, – то можно начать.

– Да.

– Хорошо. Помни, главное дыхание, счет и позитивные воспоминания. – Олеся закрыла дверь.

Темнота.

Теперь реальность и сон имеют яркий контраст – это свет. Сон накатила яркий, реальный, показал все оставленные проблемы внешнего мира. В реальности сейчас темнота и тишина. Слава поднялась с кровати. Ориентируясь по краю кровати начала движения к столику с водой. Первое правило ориентации в темноте – это направление от известного места к другому месту. Второе правило – это счет шагов, можно заблудиться, сделав пару шагов от кровати, если потерять ориентацию, и вернуться снова к кровати. Подойдя к столу, Слава нащупала бутылки с водой, поставила на правый край стола, после того как выпила всю воду из нее, так проверяется способность человека. Выпив всю воду из бутылки, человек не совершает лишних движений, экономя энергию. Потом не нужно будет искать полную бутылку среди оставленных пустых. Плюс человек упорядочивает свои действия, отставляя пустые бутылки от полных.

Гостям темной комнаты:

Ориентация в пространстве: совершать как можно меньше перемещений в темноте.

Осознать себя: разделять пространство стола для полных и пустых бутылок; пить воду из бутылки до конца, не уносить бутылки с водой со стола.

Счет: время нахождения в полной изоляции от мира делить на отрезки, эти отрезки, будь то бодрствования или перемещения по темной комнате, подвергать отсчету шагов или циклов вдох – выдох.

Авария: если что-то пошло не так, по вашему мнению, то поднимите над головой скрепленные руки с жатыми кулаками и за вами придут.

Слава вернулась на кровать, в ней еще бродили отголоски сна, пробуждающие в ней негативные реакции учебы и отношений с Дániлом. Чтобы «проветрить мозги» Слава села в позу «алмаз» и начала считать выдохи. Всплывающие картинки, связанные с ее недавней реальностью, она отбрасывала за сферу своей реальности. Особо надоедливые, наболевшие, связанные с предстоящей сессией и участием Дániла, Слава помещала в «мыльные пузыри» и расстреливала их из лука.

Потом пошли не осознанные провалы в счете и Слава позвала: – Кошка Мурка.

Из окошка лился утренний свет. Кошки Мурки рядом не было, но возле кровати лежала мертвая мышка, значит, кошка будет ждать ее сегодня. Бабушка хлопнула входной дверью. Пора вставать. Опять литр парного молока на завтрак. Бабушка и дедушка считали, что в парном молоке находится источник здоровья для человека и не отпускали Славу на улицу, пока она не помещала в себя это белое и теплое содержимое крынки. Кошка Мурка не разделяла не любовь девочки к молоку и с удовольствием помогала справляться Славе с ее утренней порцией молока. Слава оделась и вышла во двор. Кошки Мурки возле крыльца не было. Слава налила ей в чашку остатки молока из крынки. Поставила крынку в сених на стол. Ища глазами присутствие кошки во дворе. Слава увидела ее сидящей на крыше сарая.

– Я здесь, – муркнула кошка Мурка. На кошачьем языке сейчас это значит «иди ко мне», «следуй за мной».

Слава подбежала к кошке. Кошка перебежала на крышу теплого сарая, где находились корова и свиньи. Усевшись под дверью в темный сарай, кошка мурлыкнула: – здесь, значит надо войти туда без нее.

Слава открыла дверь сарая, зашла внутрь, привыкая к более темному свету в помещении без окон. В дальнем углу стояла корова Звездочка. Она со знанием дела жевала свежескошенную траву. Справа, в загоне чавкали поросята.

– Закрывай двери, теленка простудишь, – подошел сзади дедушка, с охапкой скошенной травы.

– Какого теленка? – Слава зашла глубже в сарайку и увидела темный, мокрый нос, ушки, карие большие глаза.

– Борька, – кинулась Слава к теленку, начала его гладить, чесать за ушками. Так почти неделю Сава возилась с теленком, забыв о друзьях.

Она любила играть с ним в бодайки, приставляла свой лоб ко лбу Борьки, и они начинали давить друг друга. Конечно, она поддавалась первое время, когда Борька еще не уверенно стоял на ногах.

Борька.

Темнота.

Эмоции выплеснулись в слезы нежности, смеха и грусти.

Бодайка, как она сыграла с ней злую шутку, когда Слава приехала на следующее лето к бабушке и дедушке. Борька вырос, весил уже килограмм 300 и, завидев Славу, начал игру в бодайки. Слава была напугана и рада одновременно. Вечером, после застолья, Слава пошла в туалет, а верный друг Борька, пришел поиграть. И пока Славочка справляла свою нужду, молодой бычок был рядом и подпер своим телом дверь в туалет, так Слава просидела больше часа в туалете, уговаривая Борьку отойти от туалета и выпустить ее, пока дедушка не вышел во двор, искать внучку.

Слава утерла слезы, легла. У нее осталось еще какое-то время. Скоро откроется дверь и она вернется в мир людей, а пока ... Кошка Мурка.

Слава пришла от друзей. Тихо зашла на кухню, там ее ждал ужин и крынка парного молока. Бабушка с дедушкой уже спали, так как ложились рано. Перекусив, она вышла во двор, села на ступеньки крыльца. Пришла кошка Мурка, села рядом.

– Спать еще не хочется, – сказала Слава кошке, – у тебя есть время со мной посидеть или ждут дела?

– Пойдем за мной, – муркнула кошка и побежала в дальний край двора, в сторону от сараек. – Говори с ним, здесь, – муркнула кошка, – ближе не подходи, пока не разрешит.

Слава подошла к кошке и села рядом на траву.

– Здесь, – довольно муркнула кошка и убежала.

У забора, на границе территории двора и огорода стояла будка. Рядом с ней на цепи лежал старый волк. Его передние лапы были вытянуты вперед, на них лежала его голова.

– Здравствуй волк, как тебя зовут, – спросила Слава. Волк молчал. Девочка рассматривала в угасающем свете, заходящего солнца, волка, ошейник, цепь, чашку с водой, будку. Будка была сбита из досок с двух сторон, с крышей, как маленький дом без окошек. Вход в будку был темен, а вокруг входа как будто был обит дверной обналичник, более светлый, чем доски будки. Обналичник начал светиться, слабо, потом сильнее.

Время вышло. Слава потянулась, села на кровати, вокруг двери в темную комнату, светился обналичник. Скоро откроется дверь и Олеся встретит практикантку расспросами о проведенном в темной комнате времени.

Глава 6

Кирилл Борисович взял папку с надписью «Ло» на корешке с полки шкафа. Хмыкнул всплывшему названию книжного шкафа с папками, заполненными его рукописями за всю его жизнь, начиная со студенчества.

– Архив, – улыбнулся, сказал сам себе Кирилл Борисович – конкуренты многое бы отдали за расшифровку моих «архивов». Может и нашли бы мой метод.

С папкой в левой руке, Кирилл Борисович дошел до своего письменного стола, положил папку на стол, сел в кресло.

– Моя метода, принеся мне славу, деньги и учебную степень, – с улыбкой произнес Кирилл Борисович, беря папку со стола в руки. – Если бы многоуважаемый господин Глосберг открыл эту заветную папочку, то он бы прочитал в ней... набор слов? Нет, он русским не владеет.

Кирилл Борисович открыл папку «Ло» и начал читать как простой человек.

«Она сегодня должна выйти в город. Продукты к ужину, что подойдет по цене. И к ней она давно обещала зайти, забрать шерсть. Скоро зима, она должна успеть.

Выйдя из дома на улицу сегодня, первым она встретила Он, поздоровалась. Опять он торчит возле порога дома, а она все терпит и кормит троих детей и Он.

Она по дороге к рынку встретила Она и Она. Приветствие, легкий взмах руки. На рынке она торговалась, Она удачно, в счет будущей работы, получила овощей на три дня. Только Он опять цену на мясо не сбавил, пока придется обходиться без мяса. Рыба и яйца по прежней цене. Он скоро придет, появится в доме мясо.

Она купила меду для Она. Сегодня к Она. Иду»

Раздавшиеся крики (ругались муж с женой – соседи) за стеной, оторвали Кирилла Борисовича от мук чтения.

– Люди, – Кирилл Борисович разговаривал, улыбаясь с мельком виденными им соседями из квартиры за стеной, – такие же простые не понятные, как это текст.

Папка «Ло» легла снова на стол. Кирилл Борисович откинулся в кресле. Он привык разговаривать с теньями из прошлого. Кирилл Борисович давно понимал, что, по мнению стороннего наблюдателя, является клиентом психушки, но так в нее и не угодил.

В свой родной город, Кирилл Борисович вернулся не давно. 10 лет в Питере и 25 в Москве.

– 25 лет, это же целая жизнь. Столько лет мне было, когда я уехал по протекции в Москву. Перебивался в аспирантуре с хлеба на воду, пока Женька, одноклассник не подкинул халтурку. И понеслась. И возвращением в родной город я обязан, опять же Женьке. Правда, уже приехал на похороны. Официально пригласили. Как-никак губернатор Евгений Борисович. Одноклассник и партнер по антикварному бизнесу. -Надо помянуть знаковую фигуру Евгений Борисович в моей жизни.

Кирилл Борисович подошел к бару, достал бутылку виски. – Chivas Regal 12 – благородный самогон. Помнишь, Жека, как тогда у дяди Кузьмы... Да надо сходить и поговорить. Кирилл Борисович поставил бутылку на стол. Проверил связки ключей на поясе, вышел из кабинета. Прошел по коридору до двери с табличкой «Кладовка». Открыл тремя ключами дверь – сейф. Такая сложная защита не от воров, а от меня. Чтобы три раза подумал, прежде чем заходить в свою сокровищницу. Зашел в комнату, включил свет.

– Вот все мое богатство, все мои сокровища, – Кирилл Борисович обвел глазами металлические стеллажи, на которых, за пронумерованными металлическими дверцами, ждали его сокровища. Большинство предметов его коллекции не имели ценности ни для кого кроме самого Кирилла Борисовича, – будь осторожен Кирюха, ты помнишь, за чем сюда пришел.

Номер «178», проверим. Подошел к тумбе каталога, выдвинул ящик с literой «Е»: Евгений Борисович номер ячейки 178. – Пойдем, поздороваемся Жека.

Кирилл Борисович открыл дверку с номером 178. Там в нише лежал золотой Parker в прозрачном пластиковом футляре. Положив футляр в карман пиджака, Кирилл Борисович закрыл дверцу ячейки, погасил цвет, закрыл кладовку на три замка. Придя в кабинет, выложил футляр с ручкой на стол, налил в стакан виски. Поставил стакан перед собой. Достал из кармашка на брюках серебряный корпус от часов с тем, что прятал под стеклом и серебром у себя. Нажал на кнопку, серебряная крышка откинулась. Все еще там. Положил пальцы на стекло, поглаживая странный лик, вырезанный на куске черного обсидиана, левую руку положил на футляр паркера.

– Ну, здравствуй, Жека, – Кирилл Борисович вспомнил того Жеку из 11Б, его оценивающий взгляд, показную расслабленность в теле.

Кирилл Борисович открыл глаза. За столом напротив стояла светлая тень. – Точная копия всплывшего в воспоминаниях Жеки.

– Ваше здоровье, – Кирилл Борисович смутился, – или вечная память? Как там положено о покойниках. А, ладно, – выпил, втянул носом воздух.

– Ты, Жека, с юных лет был великим комбинатором. Я думал, это Ванька Сошкин, налил мне в кроссовки перед физрой воды. Ты меня поддержал, и пошли мы чистить рыло Ванечке, – Кирилл Борисович налил в стакан еще на два пальца виски. – Ивана Сошкина в одиночку ни мне ни тебе было не одолеть, а в вдвоем... Как он потом от нас бегал, прятался.

Кирилл Борисович смотрел на виски в стакане, вспоминая лицо Ваньки Сошкина и Ленки Бурцевой.

– Это потом я узнал, что вы с Ванькой закусилась, из-за Ленки. Он тебя в подъезде прижал, а ты его мною страшал. Вот он мне на перемене распиная дипломат, страшал. Естественно вода в кроссовках то же его рук дело, – Кирилл Борисович выпил немного виски, оставил стакан в руке. – Тогда нас первый раз стали называть Борисычи. Авторитет в школе и во дворе появился. Мне-то когда было карьеру во дворе устраивать – тренировки, подготовительные в институт. Выйдешь вечером во двор, а там пацаны с уважением к тебе, пиво, вино предлагают выпить.

– Ты с Ленкой придешь и под гитару. Эх, красивый у Ленки голос был, – Кирилл Борисович, допил виски. Поставил пустой стакан на стол. Снова положил левую руку на футляр паркера. Стал вспоминать лицо Евгения Борисовича 26 лет от роду, когда он приехал в Москву. Ранняя осень, темный солнечный свет, окрашенный желтой и красной листвой. Синий Saab, две прелестные блондинки на заднем сиденье и Евгений Борисович, молодой, загорелый, подтянутый, стройный.

Кирилл Борисович открыл глаза. Рядом с тенью Жеки из 11Б, стояла тень Евгения из Москвы у Saab.

Кирилл Борисович налил виски в стакан, приветственно поднял его новой тени и пригубил виски. Поставил стакан на стол.

– Я тебя, к тому времени, со школы не видел. Ты, тогда почти сразу в армию ушел, а я в институте пропадаю. От твоей мамы знал, что после армии ты остался где-то служить, поступил в сельскохозяйственный.

Кирилл Борисович наклонился вперед. Сцепил руки в замок, стал пристально разглядывать лицо Евгения.

– А я, честно признаться, считал тебя простаком, – Кирилл Борисович отвел взгляд от тени и посмотрел на лик в корпусе от карманных часов. – Все же знали, что после армии нужно быть совсем дураком, чтобы не поступить по льготе в сельскохозяйственный. А уж учиться там проще простого. Вдруг, ты меня озадачиваешь: «не посмотришь икону, 16 век или нет?». Так в Москве начали работать Борисычи, первый антикварный магазин, второй... Ты что-то там

мутил с зерном, вкладывая деньги в «старый хлам» у бабок в деревеньках, привозил его мне на оценку. А потом появилась Катя. Сказочной красоты искусствовед, – только сказка та была странная.

Кирилл Борисович залпом допил виски, налил еще, но оставил стакан с виски на столе, убрал руки на подлокотник кресла.

– А ведь она, Евгений Борисович, была у меня единственная настоящая женщина. Целый год, – Кирилл Борисович залпом выпил виски. Он в очередной раз пожалел, что у него нет личной вещи Екатерины Костылевой, но он не хотел видеть себя ее глазами. Он когда-то дал зарок и не собирался его нарушать.

Через полгода знакомства с Екатериной Костылевой, Кирилл Борисович познакомил ее с Евгением Борисовичем, а еще через пол года, Евгений Борисович свел Кирилла Борисовича с финном.

– Да, это была комбинация в твоём стиле, Евгений, – Кирилл Борисович налил в стакан виски, как всегда на два пальца. – Там пошли другие комиссионные за оценку, потом встреча с профессором Глосс и полгода в экспедиции, Центральная Америка, Южная Америка, – выпив залпом виски, Кирилл Борисович оставил стакан, – хорошее кончилось, – пристально посмотрел в пустые глаза призрака Евгения, перевел взгляд, вглядевшись в глаза Женьки.

– Я изменился, после той поездки, а вы, Евгений Борисович этого не заметили. Странная, сказочная Катя, выбрала не меня и не тебя. Она ни чего не скрывала. Я для нее был где-то далеко, даже лежал в одной постели. Ты был слишком напорист, материалистичен. Выбрала она Петрушу. Это, ведь, ему ты заказал самую дорогую картину в его жизни, – обнаженную Катю.

– Мои гонорары взлетели до небес. У меня появилось имя и вес в международном плане оценки исторических реликвий. Екатерина стала генеральным директором нашей сети антикварных магазинов. Вы, Евгений Борисович, пошли в министерство сельского хозяйства.

Кирилл Борисович закрыл глаза, он стал вспоминать Евгения Борисовича в ту последнюю их встречу на приеме в честь назначения Евгения Борисовича губернатором. Их совместный бизнес приносил им обоим солидный пассивный доход. Дом Евгения Борисовича в Подмоскowie, его фигуру, позу, взгляд, возле картины обнаженной Кати.

Кирилл Борисович положил левую руку на футляр паркера.

– Это тот самый Parker, – Кирилл Борисович оторвал взгляд от картины и указал рукой на золотой кончик ручки в нагрудном кармане Евгения Борисовича.

– Да, – Евгений Борисович отпустил взгляд на ручку, достал ее из кармана. – Вечное перо, сейчас скорее как талисман. Это именно ей подписан устав нашего ООО. Любовь и желание после созерцания обнаженной Екатерины Костылевой, сменилось Любовью и мечтой воспоминаний об удавшемся прошлом.

– Можно, мне ее в память о нашем прошлом, – Кирилл Борисович, протянул руку.

– Конечно, забирай, – Евгений Борисович вложил в ладонь Кирилла Борисовича золотую ручку, обеими своими руками закрыл ладонь с ручкой в кулак, – это наше вчера, а вот сегодня и завтра у нас с тобой Кирилл Борисович, разные. Развлекайся, а я пойду к гостям, – с этими словами, Евгений Борисович развернулся и пошел к лестнице на первый этаж.

Кирилл Борисович открыл глаза. Третья тень – его память – Евгений Борисович, в тот не уловимый момент, когда он вот – вот начнет разворачиваться и уходить в вечность, унося в себе память о Кирилле Борисовиче – его прошлое.

Взгляд Евгения Борисовича скользнул по начинающему лысеть Кириллу Борисовичу, замер на глазах Екатерины Костылевой, на портрете с натуры, написанном ее будущим мужем Петрушей. Именно за эти глаза он, Евгений Борисович, заплатил Петруше такие деньги, хотя и этот «Мазила» угробил заказ. Вместо обнаженной одалиски Петруша написал восточную принцессу, в газовом лифе и шароварах, с полувуалью на лице, но глаза... В глазах Кати Петруша передал всю страсть на какую способна женщина в отношении любимого мужчины.

Золотой Parker падает вниз с трудом разжатого кулака Кирилла Борисовича. Евгений Борисович заканчивает разговор и идет в сторону лестницы на первый этаж.

Кирилл Борисович отрывает с трудом руку от футляра с золотым Parker-ом, смотрит на одревеневшую левую руку.

– Евгений Борисович, а вы с возрастом делаете все более сложные комбинации, – Кирилл Борисович поднимает глаза на третью тень. – Что за ... – тень Евгения Борисовича, из серебристого блеклого облака, стала обретать более четкие контуры, наливаясь темнотой, входить в материальность.

– Стоять, – Кирилл Борисович вспотел моментально. Резким движением колена правой ноги он ударил по потайной кнопке внизу столешницы стола.

Сверху, с потолка ударил яркий свет прожектора, вбивая все тени в пол, плотной волной света отбрасывая их ошметки к стене.

Глава 7

– Здравствуйте, Велислава, – Кирилл Борисович открыл дверь, пропуская Славу в квартиру. – Сегодня мы с вами познакомимся лично. – Кирилл Борисович закрыл дверь, принял у Славы плащ, повешал его на вешалку. – Прошу сюда, – указал правой рукой в сторону кухни.

Слава прошла на кухню, чистую и светлую, в центре стоял плетеный столик из лозы и два плетеных стула. На столике стояли на подносе чайник, две чашки на блюдечках (из прозрачного стекла), в плетеных корзиночках конфеты, печенье и яблоки. Над всем этим господствовала странная люстра. В центре потолка висел белый шар, диаметром сантиметров 25, вокруг этого шара располагалась 8 матовобелых маленьких лампочек.

– Присаживайтесь, – Кирилл Борисович отодвинул стул, чтобы Слава могла сесть спиной к входу на кухню.

– Чай, – Кирилл Борисович налил в чашку чай, на кивок Славы, – у меня только зеленый, а остальное на столе. Олеся познакомила меня с вами заочно. Теперь я хотел бы посмотреть вам в глаза, – Кирилл Борисович внимательно и мягко смотрел в глаза Славе, – вы приняты. Вот так, Славочка, предпочитаете наличными или безнал?

– Наличные, – Слава взяла конфету, развернула, стала есть в прикуску с чаем. Ее внимание периодически переключалось на странную люстру, висящую прямо над головой Кирилла Борисовича.

– Олеся говорила мне, что вы, Слава, имеете большой опыт работы с разными эзотерическими техниками.

– Да.

– Я тоже вижу мир со стороны разных народов и народностей, как историк, – Кирилл Борисович налил чай и откинулся на спинку стула. – Это небольшое отступление. Вернемся к нашим баранам.

– Меня зовут Кирилл Борисович Буйко. Я являюсь, на данный момент доктором исторических наук, экспертом международного класса по оценке исторической стоимости артефактов различных народов и цивилизаций. Прошу не называть меня профессором, так как я ни когда не читал лекций и не занимался преподавательской деятельностью. – Кирилл Борисович с вождением посмотрел на пустую чашку чая. – Слава, могу я вас так называть, – Слава кивнула, – достаньте, пожалуйста, из серого холодильника бутылку воды для меня. Слава встала, на кухне было два холодильника: белый – узкий двухкамерный и серый – двухдверная громада, просто неокрашенный металл. «Samsung» светилось синим над его дверцами. Слава задумалась, какую створку открыть, широкую или узкую, решила узкую. От верха до низа холодильник был забит стеклянными бутылками зеленого цвета “Perrier”. Слава взяла одну и подала хозяину.

– Спасибо, присаживайтесь, – Кирилл Борисович открыл бутылку, налил в чайную чашку, глотнул. – Да. Это мой коллега из Британского географического общества ведет наш давний спор. Он поставляет мне эту воду, нумерует бутылки, на доннышке номер. А я должен указать номера, которые разлиты не из этого источника. За 10 лет я ни разу не проиграл.

– Собственно, через пятнадцать минут мне ложиться спать, так как, бодрствую я ночью. Поэтому чай мне сейчас нельзя. Пойдемте, я покажу вам объект наблюдения, – Кирилл Борисович встал и пошел к выходу из кухни.

В узкий длинный коридор квартиры Кирилла Борисовича выходило по бокам четыре двери. На каждой висела табличка и все были закрыты. В конце коридора находились двери в ванную комнату и туалет, о чем свидетельствовали рельефные изображения пупсов под душем и на унитазах.

Первой слева была дверь с табличкой «Кабинет», справа «Кладовка». Дальше по коридору слева «Спальня» и справа «Чулан».

Кирилл Борисович открыл дверь с табличкой «Спальня» и зашел, не закрыв дверь. Слава зашла за ним следом.

Спальня, как и вся квартира, выдержана в белых тонах. Стены, потолок, пол, шторы белые. Посреди спальни стоят белые ширмы до потолка, выдержанные в японской стилистике. Кирилл Борисович подошел к ширмам. Сдвинул левую часть к центру, открыв внутреннее пространство в виде квадратной комнаты, огороженной ширмами. Внутри ширм оказалась кровать покрытая белым палантином, как москитной сеткой, в виде четырехсторонней пирамиды. В вершине пирамиды паланкина находилась такая же странная люстра, как на кухне.

– Это и есть место моего отдыха, и объект вышей работы. Напротив каждой ширмы находятся камеры, – Кирилл Борисович показал правой рукой на камеру, белую висящую на кронштейнах посередине стены. – Вы фиксируете появление теней на ширмах и, если они приходят ко мне, то вам нужно будет нажать кнопку у вас на пульте, зажжется вот этот замечательный светильник, – Кирилл Борисович показал рукой на чудо люстру, – центральная лампа очень дорогая и редкая штука, при включении она выделяет столько света, что сразу перегорает.

– А как я узнаю, на какую тень реагировать, – спросила Слава, стоя на входе в спальню, не рискуя нарушить «стерильность» помещения.

– У вас испытательный срок 3 дня. Сейчас вы пройдете в соседний подъезд, где будете находиться все это время, в съемной квартире. Там в рабочей комнате четыре монитора, пульт и конверт, в котором указана дата и время появления тренировочной тени.

– Сейчас я буду ложиться спать, а вы, Слава, уходя, закроете все двери. На тумбочке возле входной двери этой квартиры лежит конверт с инструкцией, на нем номер квартиры, в которой вы будете работать и ключи. Если вас все устроит, то мы с вами встретимся через три дня лично.

– Рад был с вами познакомиться, Велислава. Доброго вам дня, – с этими словами Кирилл Борисович задвинул ширму, отгородив ею себя от Славы и всего внешнего мира.

– Приятных снов, – Слава закрыла дверь в спальню. Прошла до входной двери, обулась, взяла ключи и конверт. Вышла из квартиры, захлопнув дверь.

Указанный номер квартиры на конверте оказался в соседнем подъезде на том же этаже, что и квартира Кирилла Борисовича.

Слава вышла из подъезда, села на лавочку. Она сидела, дышала теплым весенним воздухом, наполненным запахом ранеток и сирени.

– Станный клиент, – размышляла Слава, – деньги хорошие. Олеся хорошо отзывалась о профессоре и его заказе. Уже трое из команды «темной комнаты» работали на Кирилла Борисовича. Жалоб от них не поступало и сильно над ним никто не смеялся.

– Ладно, посмотрим, – Слава встала и пошла на рабочую квартиру.

Рабочей оказалась двухкомнатная квартира. Одна комната была отведена под наблюдательный центр. В ней посреди комнаты стоял стол, кресло. На столе стояло четыре монитора, посередине стола была вмонтирована красная кнопка, в форме гриба.

Слава заглянула под стол, там стоял системный блок и мусорное, пластиковое ведро. Все в комнате было, как и в квартире Кирилла Борисовича, белого цвета. Слава положила конверт и ключи на стол и пошла осматривать остальные помещения.

Во второй комнате стоял диван, два мягких кресла, стеллаж с книгами и музыкальный центр. На столике между креслом и диваном стоял белый телефон без кнопок. Правая стена (короткая) оказалась антресольным шкафом, в котором находился халат, подушка, одеяло и комплект спального белья.

Слава закрыла шкаф и пошла на кухню, поставить чайник. На кухне все было стандартно: холодильник, мойка, электроплита, чайник, микроволновка, кофеварка, стол и четыре стула.

Поставив чайник, Слава вернулась в рабочее помещение за конвертом. Села на кухне, открыв конверт. В нем находилось четыре листа инструкций.

В общем и целом от Славы требовалось все свое внимание с 10:00 до 18:00 (или до пробуждения Кирилла Борисовича) уделять четырем мониторам. В случае появления объекта «Т» нажать на красную кнопку. Дежурство было рассчитано на полную неделю. Оно начиналось с утра понедельника (для каждого) с визита в квартиру Кирилла Борисовича. Где должна получить ключи и конверт с инструкциями. Во время сна Кирилла Борисовича, не рекомендовалось на долгое время покидать рабочую комнату (максимум 5 минут). Остальное время считается свободным.

В «свободное» от дежурства у мониторов время, не рекомендовалось покидать квартиру, только для визита к Кириллу Борисовичу по его просьбе.

Все хозяйственные хлопоты лежали на плечах Марии Степановны (хозяйки рабочей квартиры), которая приносила еду, продукты, чистое белье и совершала уборку помещений.

Слава дочитала инструкцию, заглянула в конверт, там лежал сложенный пополам листок «Завтра в 12:45».

Допив чай, Слава поставила кружку в мойку, заглянула в холодильник. Там было все необходимое для человека на три дня: молоко, масло, яблоки, апельсины, бананы, конфеты, три контейнера со вторым, три контейнера с супом, колбаса, сыр, кетчуп, майонез, яйца, сок трех видов, минеральная вода. Слава открыла один из контейнеров, там была гречка с печенью а-ля бефстроганов.

Резко запищали кухонные часы, прикрепленные над навесными шкафами – 10:00.

– Пора работать, – Слава взяла стакан, пакет апельсинового сока и пошла в рабочую комнату. Сев в кресло, Слава посмотрела на включившийся монитор, на них белые тканевые ширмы.

– Да, работка не бей лежачего. – Слава поставила сок и стакан на стол, откинулась в кресле, – тут даже сосредоточиться не на чем.

Белые, подсвеченные изнутри ширмы, были одинаковыми на всех четырех мониторах. За наблюдением клиентов «темной комнаты» Слава привыкла вести игру, угадывая, что привело того или иного человека к познанию себя и к чему он стремится. Здесь, на ровных, белых, натянутых кусках ткани нельзя было найти различий, складочки или отзвука тени от окружающих предметов или листьев деревьев за окном.

Слава вздохнула, встала, прошла в жилую комнату, выбрала книгу с полки. «Хроники заводной птицы». Подумав взяла свою сумку с одеждой и вернулась в рабочую комнату. Сев в кресло, Слава, повернувшись к мониторам правым боком, выполнила упражнения, которым научил ее Антоха в институте (для расширения восприятия, еще от индейцев Северной Америки), потом проделала то же самое, повернувшись левым боком. Произведя настройку на восприятие движения посредством бокового зрения, Слава, повернувшись правым боком к мониторам, переделась в футболку и шорты.

Слава села в кресло, положила на колени книгу. Вспомнила, как она также с книгой Мураками начинала работу в «темной комнате».

Тогда Слава пришла на первое свое дежурство к Олеся. Ее проинструктировали, дали советы и оставили одну возле мониторов на 12 часов. В комнате отдыха для сотрудников скопилось не большая библиотека из книг, которые приносили и оставляли сотрудники Олесиной организации, для просвещения себя и других. К полному собранию Кастанеды, Слава решила пока не прикасаться, да и другая эзотерическая литература могла сбить ее настрой на первом дежурстве. «Хроники заводной птицы» показались Славе замечательным средством скоротать время и не полностью отвлекали внимание.

Еще при первом, ознакомительном посещении темной комнаты, Слава решила использовать методичку, предложенную ей Антоном.

Антон был настоящим индейцем. Его индейское имя было Большой Лось, не из-за размера, а из-за «вдумчивого подхода к жизни и мощному переходу к действиям при принятом решении» – так, смеясь, объяснил Антон Славе. Старшая сестра Антона была скво вождя племени «индейцев» где-то под Рязанью. Муж сестры Антона был не только бизнесменом, выкупившим землю и построившим поселение индейцев под Рязанью, но и ведущим торговую деятельность через резервации индейцев в США и Канаде.

Слава познакомилась с Антоном на одной из студенческих вечеринок в общежитии. Ни Антон, ни Слава не употребляли алкоголь (потом их беседа переросла в дружбу).

– Мы ирокезы, но не являемся чистым племенем, – так как корни у нас славянские, – ухмыльнулся Антон, отвечая на давно набивший ему аску вопрос. – А в вигвамах жили южные племена индейцев-кочевников, например сид. Но мы, современные индейцы, учли уроки прошлого и не позволяем бледнолицым опьянять нас огненной водой. – Антон торжественно поднимает стакан с «Coco Cola».

– Русские индейцы? – Славу заинтересовал Антон, больше чем «огненная вода». – Где и как вы живете?

– Муж моей сестры, Георгий или Летний Гром (из-за раскатистого баса), еще в юности увлекся индейцами, их мировоззрением, образом жизни. Он сначала катался на ролевые сборы, потом, после армии, уехал в США. Там прожил среди чероки три года. Наладил неплохой бизнес через резервации индейцев, выучил несколько индейских диалектов. Индейцы в Америке живут бедно, на землях в резервациях, мягко говоря «мало пригодных для сельского хозяйства и разведения скота». Но у них есть льготы на торговлю определенными товарами и собственное производство. Вот он договорился с некоторыми племенами индейцев и начал свой бизнес. Потом, когда заработал хорошие деньги, вернулся в Россию, купил под Рязанью землю, основал индейское поселение. Регулярно привозит к ним в гости коренных североамериканских индейцев, для передачи опыта и знаний.

– А твоя сестра? Из коренных индейцев, – Слава, прищурив глаза, рассматривала Антона, пытаясь найти индейские корни в рязанском лице.

– Нет, – Антон смеется, – она биолог, познакомилась с Георгием на культурной выставке коренных народов Северной Америки, устроенной в Москве. Так он нашел свою скво.

Наблюдаемый гость «темной комнаты» пошевелил руками. Слава отвлеклась от своих воспоминаний, посмотрела на монитор. Все нормально, просто человек решил почесаться. В полной изоляции от света и звука, человек в основном лежит.

Много позже, Слава научилась применять практику школы «инфо-человек» для отсеивания постоянных шумов – не значительных движений наблюдаемого через монитор человека и могла спокойно читать любую книгу, не отвлекаясь по «мелочам».

Освоенной от Антона практикой Слава поделилась с Олесей и своими коллегами по «темной комнате». Познакомила Антона с Олесей и Игнатом Викторовичем, замечательным человеком, привозившим к Олесе много интересных знаний и людей.

Антон иногда дежурил в темной комнате и читал лекции по магии мира племен ирокезов.

Слава улыбалась своим воспоминаниям. Заводная птица лежала на ее коленях, так и не раскрытая. Посмотрев на часы «13:05» Слава решила пообедать. На мониторах было бело без пятнышка тени. Применив методику «взор орла» Слава убедилась, что в ближайшие полчаса в ее окружении нет эмоциональных всплесков и решила спокойно поесть.

Слава сидела, читала Мураками, когда мониторы вдруг погасли, а на кухне раздался сигнал будильника.

– 18:00, конец дежурства, – Слава потянулась и пошла на кухню ставить чайник.

Слава проснулась по будильнику в 8:30, помылась в душе, позавтракала. В 8:30 она зашла в рабочую комнату, забрала грязную посуду и мусор, после вечернего дежурства. Взяв на кухне сок и печенье, Слава была готова к очередному дежурству. Когда в 10:00 загорелись мониторы,

Слава стала настраиваться на работу и надеялась справиться с сегодняшним испытанием. Ее интерес к тени не позволил ей сосредоточиться на книге после 12:00. Она отложила книгу в сторону и стала просто смотреть в монитор поочередно то левым то правым глазом, прокручивая в голове ситуацию с «отказником» в «темной комнате».

За время существования «темной комнаты» было всего два «отказника», не прошедших все отведенное время в изоляции от мира. Олеся хорошо подбирала людям нужное им время пребывания в темной комнате.

Первый, еще до Славы, «отказник» стала женщина лет 50. Олеся сразу предлагала ей попробовать себя на 24-х часах в «темной комнате», но женщина заупрямилась: Христос 40 дней и ночей в пустыне провел. Я выдержу три дня. Через 26 часов ее пребывание, пришлось извлекать плачущую женщину из «темной комнаты».

Вторым оказался мужчина, практикующий восточное направление эзотерики. В дежурство Славы (на третьи сутки из пяти заказанных) человек, сидящий в позе лотоса на одеяле с кровати, почти посередине комнаты, поднял скрещенные руки над головой. Слава в это время читала «Дар орла», боковым зрением уловила движение на мониторе, сразу нажала кнопку выхода. По смене ей передали мужчину, как спокойного «йога», проводящего большинство времени в «темной комнате» в позе лотоса.

Слава набрала номер Олеси: – отказ в третьей, на третьи сутки из пяти.

– Хорошо. Иди встречай. Я скоро буду.

Слава подошла к двери № 3 за 2 минуты до открытия. Через минуту подошла Олеся и Игнат Викторович (гость оказался его знакомым).

– Слава иди, мы справимся, – сказала тихо Олеся, положив руки на Славины плечи в левое ухо.

Уходя Слава обернулась на открывшуюся дверь. Мужчина вышел из дверей спокойно, улыбаясь, на глазах его были слезы, обнял Игната Викторовича: Я не мог иначе.

На первом верхнем мониторе появилось движение. Слава включила все свое восприятие на растущей темной точке.

Было похоже на то, что с той стороны ширмы села муха и дальше включается режим увеличения: тень стала размером с мышь; потом увеличилась до размера кошки; достигнув размера взрослого лабрадора, тень опустила ноги до пола. Теперь тень выглянула как сторбленный, невысокий (метр пятьдесят), худой старик. Когда тень набрала плотность и объем, Слава поняла, что выдохнула она уже давно, а вдох забыла сделать. Слава вздохнула достаточно резко и громко. Стоящая спиной к камере тень как будто услышала Славиных вздох, повернулась. Что-то неживое и отталкивающее было в облике тени, ее движении.

– Хозяин? – голос тени был похож на то, что делают дети, когда говорят на вдохе, сжимая горловые связки.

Тень двинулась, отделилась от ширмы, теперь тень была сама по себе, самостоятельным объектом в комнате между камерой и ширмой.

– Наместник? – тень повернулась от камеры вправо, высматривая кого-то. Слава почувствовала на себе тяжелый, ищущий взгляд в спину.

Тень исчезла с экрана монитора, уйдя вправо размытым, темным пятном. Через мгновение на Славино плечо легло что-то жгуче холодное и северный ветер произнес: – Приветствую претендент.

Глава 8

Слава после ужина решила погулять, подышать свежим воздухом. Не заходя в номер, Слава вышла из корпуса и направилась к своей любимой лавочке. Лето еще сохраняло свое тепло в сосновом бору, солнце уже касалось верхушек деревьев. Санаторий был когда-то режимным, оставив на себе зримый отпечаток советского времени. Основной контингент были дети и пожилые люди, проходящие лечение вдали от суеты и шума. Славу определили сюда три дня назад, после случая с тенью.

...тогда. Слава очнулась, ей в лицо заглядывала Олеся, на столе с мониторами сидел Игнат Викторович, взглядом оценивая состояние Славы.

– Физических повреждений нет. – Олеся прикладывала ладони к груди, животу, плечам Славы.

– С телами все в порядке, пробоев нет, – Игнат Викторович, проводил руками по своим чакрам, от Анахаты вниз, потом от Анахаты вверх, – Высокоуровневая сущность, к Анахате подключилась, – ладони рук Игната Викторовича остановились в области сердца. – Лед, аж пальцы немеют. С чем это ваш клиент играет? Надо его спросить.

– Согласно договору, мы не имеем доступа к его квартире, без его приглашения. – Олеся отошла от Славы в сторону, – Игнат, займись лучше девушкой.

Игнат Викторович зашел за спину Славы, положил руки ей на плечи. – Все равно, хотелось бы пообщаться с вашим профессором.

– Не нужно, – в дверях комнаты появился светловолосый мужчина в дорогом костюме. – Мы с вами, Игнат Викторович, встречались. Если не помните, меня зовут Арбузов Семен Геннадьевич, полковник ФСБ. У меня предписание из Москвы на охрану данных объектов. К нам пришел сигнал. Мы видели, как вы подъехали к дому. С Кириллом Борисовичем, все в порядке, он спит. А с Велиславой, мы готовы помочь: специалистами, оздоровительной программой. Финансовая поддержка полностью осуществляется вашим контрактом с Кириллом Борисовичем. Так как ситуация стабильна, я вернусь к своим делам.

... – Игнат Викторович, хотел остановить не входившего в комнату Семена Геннадьевича.

– Вы, Игнат Викторович, можете обращаться ко мне в любое удобное для вас время. Ваш помощник уже знает мой сотовый. Пора нам с вами встретиться, поговорить и не только по сегодняшнему инциденту, – Семен Геннадьевич слегка наклонил голову и «растворился» в сумраке коридора.

Холод, сковавший дыхание и грудь Славы, начал отступать. Славе удалось моргнуть.

Слава вдохнула теплый воздух, насыщенный запахом хвои. Появилась, какая-то грань между тогда (появление тени) и сейчас, все так же, почти. Тело слушается ее теперь, она контролирует свое дыхание и направление взгляда, но как-то стало пусто. Тень что-то забрала у Славы очень важное, без чего Слава перестала быть «полной».

На движение справа Слава повернула голову, по дорожке шел рыбак, в темном дождевике, капюшон накинута на голову, в его тени теряется лицо, видно только белую бороду и усы.

– Похоже на боцмана из детской книжки, – подумала Слава, – нет только широкополой шляпы и ...

– Можно присесть, – «боцман» уже стоял рядом с лавочкой, опять Слава выпала из реальности. – Да, конечно, присаживайтесь.

– Почему боцман? – рыбак «широко» сел на лавочку раскинув руки по спинке. – Мы уже виделись, Велислава, в деревне у ваших бабушки с дедушкой, помните?

– Нет. – Слава улавливала, что-то знакомое с детством, но ...

– Зови меня Наставник, Слава. – Я приду. – Славе показалось, что сейчас старик достанет трубку и начнет набивать ее табаком. Но незнакомец, сидел, все также широко, не поворачивая лицо к Славе, глядя на сосны на другой стороне дорожки.

Слава собиралась встать и уйти, у нее тут не понятно, что творится, а тут еще подсаживается и ...

– Как вы узнали мое имя, – у Славы пошли мурашки по коже. Тень? ФСБ?

– Так и не вспомнила? – голос Наставника успокаивал и передавал грустную улыбку, на невидимых губах. – Помнишь, кто забирал, как ты его звала? Клык? Волк? Клык.

От воспоминаний о старом друге у Славы пошли слезы: – дедушка звал его просто Волк.

Волк уже третий день не прикасался к еде, его сил хватало только полакать немного воды. Остальное время он лежал и смотрел в лес. Там в темноте леса, он видел ее и детей. Они звали его и он был готов встретиться с ними. Волк закрыл глаза и они, те кто ему были так дороги, стали еще отчетливее видны, больше Волк не открывал глаза в этом мире.

Дедушка подвел Славу к волку: – отходит.

– Но, почему дедушка? – Слава села и положила руку на голову волка, – он же еще дышит.

– Трудно ему одному без своих. Может быть он тогда по этому под колеса мне попал? – Дедушка стоял рядом, смотрел на приближающуюся телегу. – А вот и почетный эскорт.

Слава подняла голову, утерла слезы. Почему?! В прошлом году ушла кошка Мурка, в этом году Волк Клык. Мама. Мама тоже там.

Подошел дедушка, снял ошейник с волка. Рядом со Славой прошел незнакомый старик в длинном дождевике из выгоревшего от солнца брезента, капюшон накинут на голову, видны только белые усы и борода.

– Как старый боцман с картинки Славиной книжки, только не хватает широкополой рыбацкой шляпы, – подумала Слава.

– Почему, боцман, – старик положил руку на голову Славы, погладил ее по голове.

Острая боль потери ослабла в груди Славы, она убрала руку с головы волка. «Боцман» поднял волка на руки: – прощайтесь.

Дедушка положил руку на голову волка, наклонился, что-то шепнул ему на ухо, распрямился и начал сматывать цепь, на которой сидел волк.

– Пока Волк Клык, – Слава поцеловала волка в нос, – передавай привет своим, Кошке Мурке ... и маме.

Слава проводила старика «боцмана» до его телеги. Запряженная в нее лошадь не предала ушами – не чувствовала запаха волка. Волка положили в сено, сверху накрыли старой фуфайкой. Старик «боцман» взял вожжи и почетный эскорт медленно двинулся в сторону леса.

– Разве это возможно? – Слава смотрела на вышедшего из ее детства и сидящего сейчас рядом старика «боцмана».

– Наставник, девочка, Наставник, – рука легла на плечо Славы. – Закрой глаза, сделай глубокий вдох.

Слава закрыла глаза, сделала выдох и начала вдыхать. Что-то светлое зеленое начало заполнять пустоту в ее груди. Чем дольше делала вдох Слава, тем ярче становился свет и насыщенной зеленый цвет. Славе казалось, что вдох длится бесконечно, мир внутри нее перетек в окружающую ее действительность и теперь она маленький центр большой зеленой поляны, окутанной молочным туманом.

– Выдох, – голос Наставника прервал растворение Славиного «Я» в новом мире зеленой поляны, вся накопившаяся боль прежних потерь: мама, кошка Мурка, Волк Клык, бабушка, дедушка и темнота от встречи с тенью, вылилась в поток слез. Слезы Славы в реальном мире трансформировались в дождь в мире зеленой поляны. Капли дождя прорезали молочный

туман, разделяя его на кусочки. Зелень отмывалась до яркой и сочной травы, а кусочки тумана, уцелевшие после дождя, становились большими бабочками, разных размеров. Одна из бабочек села Славе на нос. От щекочущего ощущения Слава засмеялась. Ее смех разнесся над зеленой поляной и стал радугой. Узкие лучи яркого солнца пронеслись как стрелы через радугу, окрашивались в сочные цвета, летели дальше, попадая в белых бабочек, окрашивали их в тот цвет, каким были насыщены сами.

Над зеленой поляной кружила облаком стая разноцветных бабочек, но белых больше и они отстранялись от цветных подруг.

Капельки дождя, оставшиеся висеть на травинах, начали отстреливать пятнышками цветовой палитры радуги, оставляя на крыльях бабочек причудливые узоры.

Приблизившись к такой «агрессивной» капельке, как в маленькой луже отражалась вся зеленая поляна, только зеленое было сверху, а голубое снизу, между зеленым и голубым искрами красок мельтешили бабочки, а по краю шла тень леса. Осознавая границу поляны – тень леса, Слава ощутила вокруг себя реальность мира со скамейкой, Наставником, соснами. Слава открыла глаза, на реснице левого глаза ярко сверкнула лучом заходящего солнца, застывшая слезинка.

Странник сидел, смотрел, как сознание Славы носилось по открытому ей миру. Слава – маленькая девчонка носится по зеленой поляне, разгоняя бабочек, концы развязавшегося банта в левой косичке реет по ветру.

Странник отстранился от мира зеленой поляны, бессознательное Велиславы было похоже на библиотечаршу или как сейчас принято бизнесвумен, строгий костюм плотно уложенные волосы на голове, очки в черной оправе, гордая осанка.

– Ну, очки – это уже лишнее, – усмехнулся Странник, оставил часть себя наблюдать за развивающейся Славой, чтобы она не зашла случайно в тень леса вокруг зеленой поляны (темнота в сердце трудно лечится). Оставшийся частью Странник присел перед Велиславой, снял с нее очки, посмотрел в закрытые глаза.

– Очнись, Велислава, –дохнул Странник в глаза. Бессознательное Велиславы открыло глаза.

Странник прочел в глазах Велиславы все, что происходило с ней и вокруг нее с момента последней их встречи.

– Вот и встретились, – Странник не отрывая взгляд от глаз Велиславы, накрыл ее кисти рук своими ладонями.

– Хороший подарок сделала тебе тень, – на слова Странника, Велислава утвердительно кивнула.

Странник помогал бессознательному Велиславы осознавать себя в этом мире. Пока ей доступны лишь легкие движения головой и управление глазами.

– Ты согласна, что тебе нужно встретиться с хранителем? – У Велиславы получилось приподнять в знак вопроса бровь.

– Кирилл Борисович, твой наниматель, в юности стал обладателем одного редкого артефакта. Он испугался становиться его хозяином и стал хранителем (он сам тебе расскажет при встрече).

– Олеся тебе привезла от него сегодня письмо? – Велислава утвердительно кивнула, – принеси его мне завтра и покажи его Игнату, он тоже завтра приедет тебя навестить, – Велислава снова кивнула.

– Хорошо, а сейчас девочки собирайтесь. – Странник собрался в тело на скамье, потянув всех в это мир, – вам пора спать, набираться сил.

Слезинка упала с ресницы. Слава, запоздало, попыталась поймать ее своими ладонями. Слезинка упала на платье в районе груди, Слава засмеялась, повернулась к Наставнику, чмокнула его в бороду в районе левой щеки. – до завтра, – и заскакала по дорожке к корпусу сана-

тория. «На нас смотрят люди», – одернула ее Велислава. Девчушка Слава взяла виртуальную подругу за руку и «чинно» пошла к корпусу санатория.

Глава 9

– Здравствуйте, Велислава, – Игнат Викторович пожал Слаvinу руку, взял ее сумку, – прошу в машину.

– Здравствуйте, Игнат Викторович. Я думала за мной приедет Олеся.

– У нее сегодня группа, – усмехнулся Игнат Викторович, – на сегодняшний вечер я ваш персональный водитель, – Игнат Викторович открыл перед Славой переднюю пассажирскую дверь, закрыл, поставил Слаvinу сумку в багажник.

– Какие у вас планы на вечер Слава? – Игнат Викторович завел машину, начал выезжать с парковки возле санатория, – домой, в клуб, в ресторан?

– Мне кажется, – Слава смотрела на пустую дорогу, окруженную по сторонам соснами, – у вас для меня есть предложение.

– Вы, правы, – хоть Игнат Викторович и смотрел только на дорогу, Слава чувствовала на себе все его внимание: «Он как доктор, беспокоится о моем здоровье, рассматривая мои свежие анализы и сверяясь с амбулаторной картой».

– До 21:00 вы вправе заказать себе любое мероприятие, которое я вам с радостью организую, так как у меня к вам шкурный интерес.

Слава оторвала взгляд от дороги и вопросительно посмотрела на Игната Викторовича.

– Дорога до города длинная, поэтому я сегодня буду вместо радио, постараюсь вас развлечь и привлечь на свою сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.